

- [Картер Браун](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
-

Картер Браун

Смертельный блюз

Глава 1

— Подумать только, кого мы держим в режиссерах! Вы не в состоянии снять фильм в срок! Убирайтесь! Вон! Куда? На телевидение или... к черту на рога! — рычал Гугенхеймер в трубку. — Каждая неделя съемок — тысячи долларов! Вы разорите меня!

Он замолчал, слушая объяснения режиссера. Видимо, тот привел веские доводы, потому что Гугенхеймер сменил гнев на милость и закончил разговор вполне миролюбиво:

— Я согласен, ее нужно снимать от шеи и — вниз. Зритель ходит смотреть на то, что ниже талии и чуть выше пупка.

Наконец он положил трубку. Но мыслями мистер Гугенхеймер был еще на съемочной площадке.

На меня, во всяком случае, он посмотрел, как на лисицу, забредшую в стаю волков.

— Бойд? И что вам нужно?

— Ничего.

— Тогда что вы здесь делаете?

— В данный момент пытаюсь понять, зачем и для чего мне пришлось преодолеть сотни километров. Кстати, за ваш счет. А это немалая сумма!

— Что такое?! — взвился Гугенхеймер.

— Хорошо, объясняю. Я — Дэнни Бойд из фирмы «Бойд Интерпрайз». Вы вызвали меня из Нью-Йорка в Голливуд по какому-то важному делу...

Я уже почти втолковал одуревшему от дел и жары киномагнату, кто такой мистер Бойд, как открылась дверь и в кабинет продюсера вплыло очаровательное создание: белокурые локоны, белый лиф, расшитый серебристыми звездочками, белые брючки в обтяжку, надутые алые губки и грустный взгляд газели.

Она простонала:

— О, Гугги!..

Глаза газели сделались влажными.

— Что случилось, бэби? — Гугенхеймер встал и переминался с ноги на ногу, пожирая красотку взглядом.

— Эта мразь хочет, чтобы я... — глаза газели мгновенно стали сухими и злобными, — ... чтобы я ... — актриса эффектно держала паузу, — ... вошла в клетку со львом!

— Для тебя, дорогая, это пара пустяков, — улыбнулся продюсер. — Ты умеешь укрощать строптивцев. А лев... такой же, как и все мужчины, — Гугенхеймер ослабил. — Потрепlesh гриву, погладишь, где надо, покормишь из своих рук...

— О, Гугги, он откусит мне пальцы! Я лишусь обеих рук! Ты хочешь, чтобы по твоей студии разгуливала Венера Милосская?! Я боюсь львов и ни за что не пойду в эту проклятую клетку.

— Ну, если ты боишься львов... — задумчиво сказал Гугенхеймер, — значит, мы подыщем другую актрису. Дорогая, ты ведь знаешь, что снимаешься в фильме о цирке. Цирк — это львы, тигры, пантеры, а не блохи и тараканы. Так что, если ты боишься, считай себя свободной. Ты уволена!

Девица задохнулась от возмущения и обиды и пулей вылетела из кабинета. А Гугенхеймер сел, зажег сигару и снова уставился на меня непонимающим взглядом.

— Итак, вы Дэнни Бойд..

— ... вызванный вами из Нью-Йорка...

— ... чтобы отыскать эту ван Равен! — вспомнил, наконец, продюсер.

— Я должен отыскать Глорию ван Равен? Ту, для чьих пышных форм нужен только широкий экран? И что Глория? Умерла, уснула, уплыла, ускакала?..

— Сбежала.

Гугенхеймер выпустил клуб дыма.

— Я потратил на нее много денег... И за это награда — головная боль!

— Звезда закапризничала? Вы мало заплатили ей? Ах нет — вы загоняли ее в клетку со львом!

— Ван Равен — высокооплачиваемая актриса. Что касается львов, то она сама прыгнула одному светскому льву на шею, — Гугенхеймер вздохнул и сбросил пепел мимо пепельницы. — У парня — карман денег и аристократическое происхождение. Глория вцепилась в него мертвой хваткой. Ну да ладно, все они такие: пока молоды и красивы, стараются не упустить свой шанс. Дело в другом: я теряю деньги. Миллионы!

— Значит, вернув вам Глорию, я спасу ваши миллионы?

— Как видите, все просто. Во вторник у нас съемки с ван Равен. Они должны состояться.

— А сегодня среда, — задумчиво произнес я, — пять дней...

— Секретарша Глории собралась навестить свою патронессу. Она прихватит вас с собой, — Гугенхеймер отбросил в сердцах потухшую сигару.

— Где сейчас находится секретарша? — я вынул блокнот и ручку.

Гугенхеймер устало махнул рукой:

— Все! Теперь это ваши проблемы, мистер Бойд. Обратитесь к администраторам и прочей шушере, которой я плачу деньги непонятно за что. Пиявки!.. У них все узнаете. И с богом!

— Хорошо, — я щелкнул замком кейса. — Но вы упустили важный пункт договора.

— А... Две тысячи и ни цента больше!

— Две тысячи — если я найду и ко вторнику доставлю вам Глорию ван Равен. А если по не зависящим от меня причинам я этого не сделаю, хотя потрачу целых пять дней?.. Что тогда?

— Ноль.

— Мое время, энергия, ум...

— Ноль. Я оплачиваю только положительный результат.

— Вы выражаетесь доходчиво и мысли излагаете популярно. Ваше место — на политической арене, в кулуарах... Промывать мозги, а не целлулоидные пленки — вот ваше призвание, господин Гугенхеймер.

Киноакула стала багроветь прямо у меня на глазах.

— Вы говорите, что я здесь промываю целлулоидные пленки?! Так вы называете художественные фильмы?! Лучше бы вы плюнули мне на ковер!

— Отличная мысль! И что — можно?

Прищурившись, Гугенхеймер испепелил меня взглядом. Затем стал яростно чесать свою голову, как будто я бросил в нее горсть вшей.

— Пройдоха! — буркнул он в мой адрес. — Дэнни Бойд! Любите деньги? Меня предупреждали на ваш счет... Скажите спасибо, что я нуждаюсь в ваших услугах и потому не стану учить хорошим манерам. Идите ищите Глорию!

— Вашу целлулоидную куколку? — широко улыбнулся я.

— Выкатывайтесь из моего кабинета!

Проходя по ковру, я все же задержался и сделал вид, что намерен плюнуть. За моей спиной раздалось тяжелое сопение...

Секретаршу Глории, как ни странно, звали шикарно — Эйприл Мауэр. Такое имя носят звезды, а не девочки на побегушках. Я уже привык к тому, что здесь настоящими именами оказываются только Смиты и Джонсы и что все остальные водят публику за нос с помощью фальшивых блесков, какими являются их «громкие» фамилии.

Первым делом я нашел бюро проката и выбрал себе автомобиль.

Как мне сказали на студии, Эйприл сейчас находилась на вилле Глории, поэтому я взял курс на бульвар Сэнсет.

Я несся по бульвару, откинув верх машины. Мой профиль гордо реял и, очевидно, поражал воображение даже все повидавших лос-анджелесских обывателей.

Солнце сияло, день был великолепный. Тот мрачный дождливый Манхэттен, который я покинул ранним утром, казалось, не имел ко мне никакого отношения, ибо остался в другом времени и в другом мире. Здесь, под этим лазурным небом, можно забыть и про Нью-Йорк, и про дождь, и про притягательно-отталкивающую мисс Джордан, секретаршу с глазами змеи и костром рыжих волос на голове. Сегодня утром Фрэн Джордан не сумела вызвать мне такси. Эта девушка не имеет талантов, но почему-то служит у меня. Я вспомнил, как о таких особах отзывался Гугенхеймер: «Пиявки!». Однако, говорят, они тоже полезны для здоровья в особых случаях!

Из-за поворота показалась вилла Глории ван Равен, поразившая меня своим великолепием.

У крыльца стоял «континенталь» цвета асфальтовых джунглей: машиной недавно пользовались и не успели как следует ее почистить.

На мой звонок вышла красотка в купальнике, поверх которого она надела суперкороткую юбочку. Этот лоскутик позволял вволю любоваться ее загорелыми ножками. От ног я поднял глаза повыше и обнаружил смазливую голубоглазую мордашку, обрамленную пшеничными кудряшками.

Девушка была воспитана и поэтому вежливо поинтересовалась, по какому поводу я тревожу ее.

— Мое имя — Дэнни Бойд, — я повернул свою голову к левому плечу, чтобы она могла оценить безукоризненный классический профиль, который сейчас можно встретить только в музее, в зале греческой скульптуры. — Ваш адрес я узнал на студии.

— Вы актер? У вас такой профессиональный жест, — она мило передразнила меня, повернув голову набок. — Должна вас разочаровать: я не набираю труппу.

— Я знаю, кто вы: Эйприл Мауэр, секретарь Глории ван Равен, — сказал я и не удержался, чтобы не добавить ехидно: — А как вас звали до Голливуда? Шмельц?

— Откуда на студии берутся такие выскочки? — девица тоже с интересом оглядела меня с головы до ног.

— Вы ошибаетесь. Во-первых, я не актеришко и, во-вторых, не работаю на вашей студии. Гугенхеймер нанял меня, чтобы я доставил ему ко вторнику Глорию ван Равен — живую и невредимую. Кстати, где она?

Эйприл вздохнула, поняв, что наше знакомство — надолго, и пригласила в дом.

— Входите, если приехали.

Мой наметанный глаз сразу оценил обстановку. Глория не обустроивалась здесь надолго. Это было не гнездышко, а очередное место пересадки, не более. Вариант отеля. Патио, бассейн, бар... Голубое с белым. Стандартный набор преуспевающего человека.

— Выпьем! — Эйприл указала на бар. — Соорудите мне что-нибудь на свой вкус, только некрепкое. Повторите, как вас зовут. Я забыла...

— Что бы такое налить, что укрепило бы вашу память?.. Меня зовут Дэнни.

— Спасибо, Дэнни.

— Скажите, Эйприл, а, собственно говоря, что вы делаете при ван Равен? Подаете ей газеты со статейками про «несравненную Глорию»? Пишете неприличные слова в тех местах, где проходят ее конкурентки по объему бюста?

— Сижу и слушаю болтовню таких, как вы, — отрезала секретарша.

Она потягивала бурбон, сидя на высоком табурете. Ее юбка-лоскутик обнажила незагорелую полоску кожи и краешек купальных розовых трусиков. Это было так непосредственно и приятно, что дождливый Нью-Йорк вообще уплыл на другой конец галактики.

Поглядывая на розовое бикини, я рассеянно потирал переносицу, отпивал из стакана мелкими глотками и лениво вел поиски, на которые так рассчитывал Гугенхеймер.

— Где же сейчас ... э ... ван Равен?

— Ну где же ей быть ... На побережье, конечно.

— Восточном? Западном?

Эйприл сфокусировала на мне свой взгляд и рассмеялась.

— Западном? Нет, мистер Дэнни Бойд, Глория забралась подальше.

— Может, она подалась от такой жары на северное побережье? На Аляску? Поедем, Эйприл, на Аляску.

Эйприл выставила указательный пальчик и сделала им вправо-влево: ни-ни. Я заметил, что ногти девочка покрывает оранжево-золотистым лаком. Рука Эйприл была красива. Но придет ли эта рука мне на помощь в нужный момент?

— И что же делает Глория на побережье? — продолжил я. — Ловит рыбу? Катается на дельфинах?

— Нет, она на судне.

— Это уже кое-что. Итак, катамаран? Нет? Каноэ? Нет? Яхта?

— Вы угадали. Яхта Эдди. Глория там.

— Эдди?

— Эдвард Вулрих, — ответила Мауэр. — Вообще, у него есть титул: Вулрих Второй. Вы его не знаете? Глория «влетела» в Эдди без разбега. Пока это только увлечение, интрижка, но, кажется, скоро из искры разгорится пожар.

— Чем знаменит этот Вулрих Второй, кроме того, что у него есть яхта, а на яхте — Глория, а на Глории — ...

Я вовремя прикусил язык.

— Эдди ворочает делами на Уолл-стрит.

— О!

— "Крупный зверь" — так он сам о себе говорит.

— Ну что же, посмотрим, какова ваша Глория в роли охотницы-амазонки!

Я легонько потряс опустевший стакан, и кубики льда зазвенели, как колокольцы.

— Кто с ними на яхте? Или это уик-энд вдвоем? — профессиональная выучка брала верх над блаженством этого прекрасного дня.

— Там еще два человека. Музыкант, джазмен Москат Муллинс...

— Знаю! Трубоч! Мне нравятся его композиции.

— И Элен Фицрой.

— А эта зачем? Массажистка? Маникюрша? Телохрани-тельница?

— Нет, сейчас вы не угадали. Фицрой — давняя подруга Глории. Еще со школьных времен или с более поздних...

— Что она делает?

— Поет. Фицрой — певица из Чикаго, поет в Голливуде блюзы.

Голос Эйприл действовал на меня расслабляюще. Я еле сдержался, чтобы собственноручно не померить длину ее юбочки.

— Значит, на яхте только четверо?

— Ну, может, где-нибудь они нашли и пятого, и шестого... Никто не обращает внимания, когда в пьяной компании всплывают новые лица...

— А! Это компания пьянчужек?

— За всех не поручусь, но Глория не такая, мистер Бойд.

— Осталось узнать одно: на какой волне и под каким ветром качается эта замечательная яхта, где есть все — финансисты, музыканты и актеры — и не хватает только нас с вами.

— Понятия не имею.

От неожиданности я встрепенулся, как медведь, ужаленный осой.

— Что-о?

— Я не знаю, где яхта. Где-то на побережье.

Мне снова захотелось выпить. Но Эйприл упорно не замечала позвякивания льда в моем пустом стакане. Пришлось раскручивать клубок дальше.

— Когда уехала четверка?

— Да вот уже дня два... В понедельник под утро кончился запас спиртного, они сели в авто и отбыли в неизвестном направлении.

— Может, вы слышали что-нибудь, ну, из того, что они тут болтали?

— Молоди чепуху... Этот Муллинс пытался приставать ко мне. У него такой подвижный рот...

— Рот профессионала, — сказал я, и у Эйприл порозовели ушки.

Я расстегнул пиджак и потянулся всем телом. Потом спросил:

— Ну и что вы будете делать в ближайшее время? Блондинка расценила эти слова и жест по-своему и насмешливо прикрыла глаза густыми ресницами:

— Вы хотите, чтобы я вписала вас в свой распорядок дня? Люблю, когда говорят об этом прямо, без выкрутасов.

Она решила, что я уже втрескался в нее по уши.

— Я знаю, что вы должны встретиться с Глорией. Я бы тоже с ней встретился. Помогите мне, Эйприл.

Она взглянула искоса.

— Вы говорили, что Гугенхеймер дал вам на поиски пять дней... Пять дней с вами? Мой внутренний женский голос подсказывает, что это чревато ...

Она не договорила, потому что где-то в глубине дома резко зазвонил телефон. Эйприл вопреки моим ожиданиям не сорвалась с места, а грациозно сползла с табурета и пошла в противоположном направлении, а именно: к бару, где, как я догадался, был еще один аппарат. Она щелкнула кнопкой и сняла трубку.

Я воспользовался ситуацией и наполнил стакан долгожданной влагой.

Разговор по телефону затянулся. Я уже выпил и выкурил сигарету, а секретарша все прижимала трубку к уху и время от времени бросала в нее маловразумительные реплики.

Но вот она перестала тащить кота за хвост, положила трубку и подошла ко мне.

— Знаете, кто звонил? — насмешливо сказала эта куколка. — Глория!

Я вскочил и рявкнул:

— Ну и где же она? Вы спросили об этом? Или вам даже не пришло это в голову?

— Перестаньте булькать и шипеть. Глория звонила из форта Лоудердейл.

— Каким же ветром ее занесло во Флориду?

— Тем же, что и Эдди Вулриха. Они воспользовались самолетом.

— Значит, Глория во Флориде... — я тяжело вздохнул: мысль о втором перелете за одни сутки была мне противна.

— Она качается в море, на яхте, — поправила меня Эйприл. — Там есть такое местечко — Бахиа-Мар. Гавань для влюбленных...

— Слава богу, что яхта в гавани, а не в водах Атлантики...

— Эдди — не тот парень, которому нравится карьера Колумба и Васко да Гама.

— Это он правильно делает, что не идет по их следу, — я уже успокоился. — Наше знакомство, Эйприл, мы продолжим в недалеком будущем.

Эйприл Мауэр изогнула правую бровь дугой, однако ничего не сказала.

Я направился к двери, но на полпути обернулся.

— Кстати, Эйприл, откройте тайну, над разгадкой которой я бился все это время. В ваш купальник вшит бюстгальтер?

— Нет, — запросто ответила девушка: видимо, она и вправду любила разговор «без выкрутасов».

— Поздравляю: такую высокую грудь редко у кого увидишь, — я говорил абсолютно искренне. — Я мог бы любоваться ею все эти пять дней, если бы вашу Глорию не понесло черт знает куда! Как замечательно мы провели бы с вами время!

Я уже вышел из дома, когда услышал за спиной голос Эйприл. Она медленно вышла из дома и посмотрела мне прямо в глаза:

— Мне кажется, вы что-то говорили о замечательных днях... Но ведь и во Флориде стоит отличная погода...

Она улыбнулась, искушая меня. Я ответил широкой мужской улыбкой:

— Да?..

От волнения я склонил голову к правому плечу и бросил на красотку с высокой грудью страстный взгляд. Интересно все же, как она оценивает мой профиль?

Разумеется, бэби нашла его безупречным.

— Завтра утром я отправляюсь в Бахиа-Мар, чтобы отвезти Глории вещи, которые она забыла, — сказала Эйприл с придыханием. — Мистер Бойд, вы поможете мне с чемоданами?

Я медленно повернул голову.

— Не хотите ли прямо сейчас проверить крепость моих мышц?

Еще секунда — и я взял бы ее на руки. Но Эйприл растворилась за дверью.

Глава 2

Близкий контакт в самолете с Эйприл Мауэр разочаровал меня. За все часы полета мы обменялись такими словами: «Коктейль?» — «О, нет!» — «Вам плохо? Жмет бюстгальтер?» — «Вы же знаете: я его не ношу».

Больше моя спутница не раскрыла рот до самой посадки. Вначале я недоумевал, потом бесился, наконец, обмяк и впал в апатию. И только очутившись на побережье, мне удалось вернуть хорошее расположение духа.

Бахиа-Мар оказался местом восхитительным, гавань очаровала меня. Райский уголок портили огромные щиты с рекламой сигарет, но вскоре я перестал замечать эти уродливые полипы на прекрасном лице курорта.

Вдоль побережья тянулась лента автострады, так что в любое мгновение можно было сменить машину морскую на машину сухопутную; проще говоря, пересесть с яхты в автомобиль.

В Бахиа-Мар мужчины имели первоклассное обслуживание, начиная от персонала отеля и кончая дамами полусвета без предрассудков. Богатые женщины тоже не скучали: утром они выбирали подходящие модели, вечером — демонстрировали их в барах и ресторанах...

Непонятно, кого корчила из себя Эйприл Мауэр, но она ни словом не обмолвилась об этом пиршестве голых тел, восхитительных красок, запахов и звуков. У меня сложилось впечатление, что весь свой запас слов она израсходовала вчера, когда стремилась заполучить меня в качестве носильщика. Ну и намаялся я! Интересно, что за наряды у Глории ван Равен! Возможно, голливудская дива украшает свои платья пятифунтовыми подвесками? Оба ее чемодана были чертовски тяжелы, я отбил себе ноги и бока, пока по трапу втащил их на палубу яхты Эдди Вулриха.

Яхта представляла собой настоящее чудо техники. Добротная посуда, красивая, современная — завидки брали.

С нижней палубы доносилась песнь трубы. Этот милый старый блюз... Мастерская импровизация... Соло души... Я заслушался.

— Москат Муллинс играет, — у Эйприл прорезался голос.

Я был еще зол на нее и огрызнулся:

— Да уж, не архангел Гавриил! Или вы полагаете, что такой тупоумный, как я, не может отличить трубу от шотландской волынки?

— У вас изжога? Или вас тошнило в полете? — не осталась в долгу секретарша.

Я уже открыл рот, чтобы всыпать ей как следует, но не произнес ни слова: из рубки вышла очень красивая девушка. Наверное, она наблюдала наше пришествие через стекло и теперь сочла необходимым познакомиться со мной.

Ее слегка надменное лицо было в оправе блестящих черных волос. Рост манекенщицы. Бронзовая с золотистым отливом фигурка упакована в белое бикини, усеянное мелким черным горошком. Эйприл рядом с ней мгновенно померкла, и я был отомщен.

— Вы к нам? — произнесла брюнетка музыкальным голосом.

Она двигалась с ленивой грацией домашней кошки, выигравшей титул «Киска века».

— Добро пожаловать! Но кто вы? — брюнетка улыбнулась такой ослепительной белозубой улыбкой, что я забыл все тяготы путешествия.

Как выяснилось, этот вопрос она адресовала нам обоим: мне и Эйприл. Это обидело секретаршу.

— Разве вы не помните меня? Я секретарь Глории. Я была вместе с вами у мисс Глории на

вилле.

Брюнетка слегка пожалала плечами и жестом пригласила располагаться. Потом она взглянула на меня. Я требовательно посмотрел на Эйприл.

— Это мистер Бойд, — представила меня Мауэр. — Гугенхеймер нанял его для того, чтобы он вернул мисс Глорию на съемочную площадку.

— Малоприятная миссия, да? — брюнетка адресовала мне, очевидно, лучшую из своих улыбок. — Я — Элен Фицрой.

— Зовите меня Дэнни, — пробормотал я неожиданно охрипшим голосом и, скорее по привычке, чем из иных побуждений, повернул голову к левому плечу.

Эйприл не преминула злобно заметить:

— Видите, Элен, какой профиль? Чудо косметической хирургии. Мистер Бойд считает, что он неотразим, и старается, чтобы в это поверили все девушки...

Труба, только что изливавшая свою душу с помощью меланхолических пассажей, вдруг начата бунтовать, грубить и терзать наш слух нервными всхлипами.

Элен Фицрой закусил губу и тихо сказала:

— Москат Муллинс снова напился...

Установилось гнетущее молчание.

Я кашлянул, прочищая горло. Элен повернулась ко мне:

— Значит, вы приехали за Глорией... Ее нет здесь. Но они с Эдди скоро вернутся. Можете распаковать багаж.

У меня такового не оказалось, а вот Мауэр надо было похлопотать.

— Где каюта Глории? — спросила она.

— Там, за камбузом по лестнице вниз, — ответила Элен.

— Дэнни?! — Эйприл сказала это не столько вопросительно, сколько восклицательно, ясно давая понять, что по-прежнему держит меня за осла, нанятого для переноски поклажи.

Я пнул ногой оба чемодана по очереди, как бы проверяя, не потеряли ли они вес за то время, пока я ими занимался, и развел руками:

— Увы, Эйприл! Не хочу отбирать ваш хлеб!

Метнув на меня недобрый взгляд, секретарша потащила чемоданы в каюту.

Брюнетка оценила мое великодушие и предложила выпить.

Вскоре мы сидели в рубке и позвякивали льдинками в бокалах с виски.

Элен пыталась что-то говорить, но я пропускал мимо ушей ее щебет. Гораздо больше меня интересовали ее выпуклые места под белым бикини в черный горошек. Я уже продемонстрировал не только профиль, но и красноречие и понял, что имею шансы.

Вдруг из недр яхты раздался пронзительный крик Эйприл.

Я вскочил, прислушался. Тихо.

Труба, только что умолкшая, начала играть увертюру к «Вильгельму Телю». Я вопросительно посмотрел на Элен.

— Ничего особенного. Москат Муллинс увидел женщину... Эйприл должна помнить: мимо Муллинса надо ходить хорошо вооруженной, и не только коготками и зубками... Он выдающийся музыкант, но это не мешает ему волочиться за каждой юбкой. Его посягательства...

— И что, на вас он тоже посягал? — мое любопытство имело под собой личный интерес.

— Видите ли, я умею обращаться с мужчинами. Однажды я столкнула Муллинса с борта в воду, а трубач, да будет вам известно, не умеет плавать, так вот, после того, как Эдди вытащил его, Муллинс смотрит на меня издали, и только.

— Вы столкнули Муллинса? Вы всегда так реагируете, если парень приближается вплотную?

— Не всегда, — Фицрой провела подушечкой безымянного пальца по краю бокала и стрельнула глазками. — Это зависит от некоторых обстоятельств...

— Мне позволят узнать, каких?

Брюнетка снисходительно покачала головой. Мой огорченный вид рассмешил ее. Отхохотавшись, Элен сказала:

— Я подвержена настроениям, как и любая женщина. У меня бывают приливы и отливы... Я говорю о чувствах...

— Чувства — это всегда такая зыбкая почва и такая тайна, что хочется углубиться в ее изучение... — говоря это, я невзначай приложил свою руку к загорелой ножке певицы, и надо сказать, что она не торопилась отодвинуться и, тем более, сбросить меня в воду.

Но тут появилась Эйприл!

— Черт побери, ну и чудовище этот Муллинс! — гневно сказала блондинка, входя в рубку. — Что с ним стряслось? Он бросается, как некормленный питон!

— Это море на него так действует. Море, солнце и воздух! — Элен налила третий бокал. — Выпейте, милочка, и расслабьтесь.

Эйприл отказалась пить. На ее щечках играл румянец, ноздри нервно вздымались — определенно, стычка с трубачом пошла ей на пользу. Теперь секретарша смотрелась с певичкой на равных, и я заколебался, с кем бы охотнее пошел играть в кошки-мышки в темной комнате — с брюнеткой или с блондинкой.

Внезапно на палубе раздался слоновий топот.

Дверь рубки резко распахнулась, и нашим взглядам было во что впиться. На пороге стояли два ярко выраженных отщепенца. Их бандитские рожи контрастировали с благородными лицами туристов Бахиа-Мар.

Один был высокий и дородный, второй — низенький, тщедушный и кривоногий. Первый напоминал гориллу, второй — жокея-неудачника, которого покалечила лошадь. Клоунская парочка! Если бы не слегка оттопыренные полы пиджаков, под которыми могло находиться оружие, я решил бы, что к нам пожаловали отбросы бродячего цирка.

Незванные гости молчали. Молчали и девушки. Поэтому мне пришлось проявить свои недюжинные коммуникативные таланты:

— Эй вы, как вас там!.. Вы потеряли собачку? Или сбились с курса? Отстали от мамочки? Ищите мусорное ведро, чтобы выплюнуть жвачку? Короче, проваливайте!

У гостей прорезались голоса.

Первый говорил грубым басом, второй — каким-то бабьим фальцетом.

Здоровяк сказал:

— Осел, в голове солома.

Хильй добавил:

— Дятел оципаный.

Все это, как вы поняли, относилось ко мне.

Первый сказал второму:

— Выбить ему глаз, что ли?

Второй не успел ответить, потому что вмешалась Элен. Она встала и уперла руки в боки.

— По какому праву вы врываетесь на яхту? Что вам здесь надо?

Горилла сцепил руки на брюхе и, оценивающе изучив все возможные прелести Элен, остался доволен:

— Фасад что надо. А как задник, интересно?

Жокей запрокинул голову, чтобы оглядеть мисс Фицрой с пяток до макушки, и пропищал:

— Настоящая леди, не будь я мужчиной.

Элен «вышла из берегов» и повысила голос: а глотка у нее была, что труба Муллинса:

— Отвечайте! Живо!

— Спокойно, мисс. Нам нужен один человек, — детина выпятил губу. — Один сукин сын. Эдди Вулрих! Знаете такого? Это ведь его яхта?

— Эдварда Вулриха здесь нет! — четко сказала Элен и после паузы добавила: — Но яхта действительно принадлежит ему.

Ее ответ привел Пата и Паташона в замешательство. Переглянувшись, они решили не отступать с занятой позиции.

— Мы будем ждать его, — сказал высокий.

— И не откажемся от виски, если вы нам нальете, мисс, — низкорослый зашарил глазами в поисках бара.

Я не имел к яхте никакого отношения, иначе выставил бы проходимцев в два счета. Но это могли оказаться деловые партнеры Вулриха, кредиторы или еще кто-нибудь из той же компании. Меня это уже не касалось.

Глория ван Равен! Вот кто нужен Дэнни Бойду.

Появление живописной парочки отвлекло нас от Моската Муллинса, а между тем звуки трубы приближались, пока, наконец, в рубке не появился и сам трубач.

Муллинс захлопнул за собой дверь, с усилием оторвал от губ инструмент, шмякнулся на скамью, как мешок, и закрыл глаза.

— У меня загробные видения, — заговорил он неприятным резким тоном. — Налей, Элен.

Трубач протянул скрюченную руку, в которую Элен, видимо, должна была вставить бокал.

— Налейте всем, — не мог успокоиться кривоногий. — Посмотрите, как он мучается!

Это было правдой. Муллинс выглядел не лучшим образом. Голова его запрокинулась, черные волосы слиплись, кожа была желтой, безжизненной, под глазами виднелись синяки. Парень дышал тяжело, с трудом. Могильные видения, судя по всему, не покинули его.

Элен Фицрой на правах хозяйки налила всем.

Москат Муллинс припал к виски, как к живой воде, мгновенно осушил бокал, потянулся к бутылке, выпил еще и только тогда открыл глаза.

Он с недоумением уставился на присутствующих. Толпа в рубке была для него новостью.

— Кого ты привела? — обратился он к Элен. — Кто это? Мы не представлены...

— Эйприл Мауэр ты знаешь, — начала Элен, взяв блондинку за руку.

Эйприл вежливо отстранилась и сказала:

— Я бы хотела, чтобы вы, Москат Муллинс, забыли мое имя и меня тоже.

Музыкант узнал Эйприл.

— Это та, которую я хотел приласкать? Ну-ну...

В его голосе была угроза.

Элен подошла ко мне.

— Дэнни Бойд. Прилетел от Гугенхеймера искать Глорию.

— Детектив-дефектив! Легавых знать не хочу! — Муллинс глянул с презрением, махнул трубой, сложил губы и выпятил их: он как бы хотел сдуть меня за борт.

Элен продолжила свой обход.

— А эти парни... — она запнулась, дойдя до непрошенных гостей, — пришли навестить Эдди и будут ждать его в нашем обществе. Понятия не имею, какие имена дали им их мамочки...

Детина прочистил горло:

— Я — Мэрфи... Но, если хотите, можете звать меня Тушей, — он расплылся в улыбке. — Друзья зовут меня именно так.

Эта грудка плохо прожаренного на солнце мяса действительно напоминала тушу.

Мэрфи легонько дал коленкой под зад своему приятелю — так, что тот упал на Муллинса, отскочил, едва не расшиб лоб о переборку и отошел в сторонку. Это была шутка старшого, как я понял.

Туша представил напарника:

— Лапчатый.

Я не удержался от вопроса:

— Лапчатый? Странное прозвище...

Вместо ответа эта малая бандюга, ухмыльнувшись, достала из-за пазухи портмоне. Подойдя к трубочу, Лапчатый помахал портмоне перед его носом:

— Узнаете?

Муллинс долго смотрел на сей предмет, и, наконец, несчастного осенило:

— Мои деньги! Он вытащил у меня портмоне!

Низкорослый, кого я принял за жокея, оказался обыкновенным карманником, щипачом. Туша и Лапчатый — вышибала мозгов и вышибала кошелеков. Парочка что надо!

Но какие у них могут быть общие дела с мальчиком голубых кровей — с Эдди Вулрихом Вторым?! В этом стоило разобраться.

Мы пили, курили, томились... Не пила только Эйприл. Она стояла на палубе, глядела в воду так пристально, словно пыталась разгадать какую-то тайну.

Элен смаковала коктейли и демонстрировала безупречные ноги. Бандиты оказались ребятами смирными и дремали. Время от времени они открывали глаза, руки их тянулись к стаканам, потом они снова погружались в спячку.

И только Москат Муллинс терзал свою трубу. Вначале он наигрывал какие-то знакомые мелодии, постепенно стал импровизировать, бесконечно варьируя тему одиночества и скитания... Слушая его, я устал больше, чем во время перелета. К счастью, иногда Муллинс прикладывал губы не только к инструменту, но и к стакану, черпая в нем силы и вдохновение. И в эти минуты приятно было послушать тишину.

Но потом вновь звучала музыка, от которой веяло похоронами...

Муллинс ввел нас всех в транс. Иначе как объяснить, почему мы не услышали, что среди нас появился новый человек. И только тогда, когда он хлопнул дверью, музыка оборвалась... и мы устали на вошедшего.

— Хелло! — он оглядел нашу разношерстную компанию. — Я ищу мистера Эдварда Вулриха.

Гость выглядел импозантно: хорошо одет, великолепно пострижен, вежлив. Ему было где-то за сорок. Тело не содержало ни грамма лишнего веса. Я понимаю: массаж, теннис, режим... Усы придавали солидность... Самое интересное, что этот человек мог оказаться и миллионером, и гангстером, и официантом из дорогого ресторана.

Его слова об Эдди Вулрихе повисли в воздухе, но Туша оказался проворнее остальных:

— Вулрих придет! — уверенно пообещал он. — А ты, приятель, присоединяйся к нам, — Мэрфи повернулся к Элен: — Виски еще есть?

У Элен Фицрой загорелись глаза: она признала в вошедшем Мужчину-с-большой-буквы. Ее музыкальный голос обрел новые обертоны:

— Виски, разумеется... Я буду рада... смешать вам коктейль...

— Благодарю.

Этот дуэт мне не понравился. Усатый дамский угодник таил в себе опасность, а опасность я хорошо чувствую.

Он внимательно посмотрел на брюнетку, ловко орудовавшую бутылками и бокалами, но не

улыбнулся, как я ожидал, а произнес неожиданно плоским голосом:

— Вы — Элен Фицрой, да? Вы поете в Самба-клубе?

Элен жеманно выпятила губки, выставила грудь; ткань натянулась и едва не лопнула на радость осоловевшим от музыки и безделья Туше и Лапчатому. Впрочем, Элен старалась не для них. Объектом номер один был усач.

— Вы знаете меня? Да, я пою в Самба-клубе. Вы мой поклонник?

Она протянула ему бокал с виски так, словно это была чаша драгоценного напитка. Девочка сделала ставку. Я для нее уже не существовал: она работала на клиента, который ее устраивал больше.

— Скажите, по каким дням вы заходите в Самба-клуб? Я буду петь только для вас, — сказала она.

Мужчина отпил глоток и усмехнулся в усы:

— Раньше я бывал в клубе очень редко, но теперь... Теперь буду постоянно...

Элен от удовольствия зажмурилась.

— Дело в том, что... — он отпил еще виски, — я хозяин этого заведения.

— Как?! — Элен протрезвела. — Хозяин Самба-клуба — Эдди Вулрих!

— Он был им до вчерашнего дня. Эдвард Вулрих взял большие деньги под залог имущества и недвижимости и не смог вернуть их в срок... Имущество перешло ко мне. Но это не все. Мистер Вулрих должен мне крупную сумму. Собственно говоря, ради этого я и пришел. Хочу расставить точки над "i".

— Кто вы? — прошептала Элен; лоск облупился с нее, как краска с елочной игрушки.

— Грег Бейли.

— Послушай, приятель, — Туша вразвалку подошел к Бейли, — мы тут раньше тебя поместили территорию и заняли посты. Вулрих должен нашему шефу двадцать тысяч. Сначала мы с Лапчатым вытрясем наш должок, а уж потом ты выбивай свои денежки.

— Должен вас разочаровать, — миролюбиво ответил Бейли. — У Вулриха нет денег, он не заплатит ни вам, ни мне ни цента.

— И куда же этот мешок подевал свои миллионы?

Туша съежился.

— Растранижил, — флегматично произнес Бейли, — прокутил, промотал... Короче, он пуст. Я должен утрясти с ним кое-какие дела, иначе не пришел бы на яхту. Взять с Вулриха нечего.

— Шеф обещал отвинтить нам носы, если мы не принесем в зубах эти двадцать тысяч, — пророкотал Мэрфи.

— Боюсь, что вы лишитесь и носов, и зубов, — весело ответил усатый. — Вашему шефу не на что рассчитывать. Он получит свой долг назад только от ... мертвого Эдди.

— Мертвого? — запищал этот кастрат Лапчатый. — На что ты намекаешь?

— Эдвард Вулрих застраховал свою жизнь на большую сумму. Мне известна сумма его страховки — двести пятьдесят тысяч долларов. Тут хватило бы и вам, и мне, и всем остальным кредиторам. Но Вулрих здоров и бодр, и глупо думать, что не сегодня-завтра он умрет.

— Здоров и бодр! — передразнил Туша. — Знавал я более здоровых, пока у них над ухом не щелкал курок... Чего не бывает в жизни...

Лапчатый подошел к приятелю и посмотрел на него снизу вверх:

— Позвони шефу! Ему так нужны эти деньги.

— Н-да... Расстроится, бедняга... — сказал я с сарказмом. — И кто ваш шеф?

— Король казино! — с торжеством в голосе произнес Туша. — Луи Барон!

— Невада?

— Лас-Вегас!

— Значит, Эдди Вулрих проигрался в пух и прах в Лас-Вегасе, за карточным столом?

— И должен Барону двадцать «кусков», — скорее, заухал, чем засмеялся Туша. — Эй, дорогая, плесни мне еще виски.

Элен не шелохнулась.

С того момента, как Грег Бейли сказал о перепродаже клуба и мотовстве Эдди, Элен Фицрой впала в глубокую задумчивость и апатию.

Туша яростным басом шептался о чем-то с мозгляком Лапчатым, потом они перестали препираться и настроились на выпивку, хотя перед этим вылакали недельный запас виски.

Грег Бейли вышел на палубу.

Москат Муллинс затянул «Уличный блюз», уводя мелодию в самые темные закоулки своей души.

Я не заметил, как подошла Эйприл Мауэр и села рядом со мной. Я курил, она пододвинула пепельницу.

— Что будете делать, мистер Бойд?

— Странно, что вы еще помните мое имя...

Обиды на секретаршу прошли, но досада осталась.

— Я полагаю, — медленно начала Эйприл, — Эдди может догадаться, что и кто его ждет на яхте. Мистер Бейли, разумеется, сказал правду: Эдди пуст. Вряд ли он вернется сюда... Я полагаю... — повторила она, — Эдди уже собирает свои вещички, чтобы занять место в самолете. А ведь главная его «вещичка» — это...

— Глория!

Глава 3

Мне не стоило труда улизнуть из рубки незамеченным. Я слетел по трапу, как ветер, и бросился в ресторан. Но не потому, что был голоден. Вернее, потому. Однако мой голод можно было утолить не анчоусами и антрекотами, а жирной порцией информации.

В качестве поставщика такой информации я выбрал бармена. Обойдя столики и протиснувшись сквозь танцующих, я подошел к бармену в полной боевой готовности: во всех карманах лежали банкноты разного достоинства.

— Добрый вечер! — сказал я. — Не подскажите, где бы я мог найти Глорию ван Равен и ее спутника мистера Вулриха?

— Ничем не могу помочь, — дежурная улыбка человека за стойкой перешла с меня на другого клиента.

Я вытащил из правого кармана пять долларов и ладонью придвинул бумажку к бармену. Он вздохнул, но не шелохнулся.

Я добавил еще одну бумажку с цифрой двадцать.

Бармен взял стакан и стал тщательно его полировать мягкой бумагой.

— У вас большие запросы! — я был вынужден залезть в левый карман. — Хотелось бы знать, как далеко простираются ваши намерения.

— Пятьдесят баксов.

Я оценил краткость и выложил на стойку недостающие доллары. Бармен, не глядя, смахнул их куда-то вниз, себе под ноги, и наморщил лоб.

— Кажется, я припоминаю ваших друзей. Глория и Эдди, вы говорите? Странная штука, эта память... Да, они были здесь и ушли.

— Куда?

— Люди приходят к нам, веселятся, танцуют, а потом уединяются вон в тех бунгало, что по ту сторону дороги. Ваши знакомые сделали то же самое.

— И в каком именно бунгало они уединились?

— Разве я могу это знать?

Он сделал такое удивленное лицо, что я чуть было не поверил прохоже с белой бабочкой на шее.

Однако я подумал и залез во внутренний карман. Достал еще несколько купюр. Бармен наблюдал за моими телодвижениями с неподдельным интересом.

— Узнайте, пожалуйста, — сказал я.

— Попробую, — ответил он и направился к телефону.

Я не успел выкурить сигарету, как этот пожиратель моих банкнот вернулся с приятным известием:

— Вы можете смело идти в бунгало номер 73. Домик неподалеку. Вы застукаете милашку без хлопот.

Он решил, что это любовные дела, а я не стал его разочаровывать.

— Спасибо.

— О'кей. Но учтите: многие бунгало пусты. Ваши шаги можно услышать, если будете топтать, как носорог.

Бармен был прав: скрип моих ботинок звучал в тишине довольно громко. Я шел вдоль ряда пустых домиков и наконец обнаружил тот, на котором красовался номер 73.

Из домика доносились чьи-то голоса. Там горел свет, но окно было плотно зашторено.

Я постучал. Голоса умолкли. Я начал барабанить. Мне не открывали.

Но вот дверь приоткрылась, и я увидел Эдди Вулриха Второго собственной персоной.

Несомненно, этот парень был отмечен печатью благородного происхождения. Красив, породист... Блондин с голубыми глазами... Но лицо заплыло жирком, щеки отвисли, глаза были налиты кровью...

— Что за скотина ломится в мою дверь? — задыхался он алкогольными парами.

— Я ищу Глорию ван Равен. Мне сказали, что...

Это был бесполезный разговор, поэтому, слегка подтолкнув Эдди в грудь, я ввалился в домик.

Глория была здесь!

Я увидел золото ее волос, розовую кожу, как у младенца, и пышный бюст, слегка прикрытый шелковым бельем — сексуально черного цвета. На красотке были еще черные шорты или спортивные трусы — так сразу я не рассмотрел. Глория выглядела точно так же, как в том, запрещенном к показу фильме, который мне удалось посмотреть в другом штате, где цензура пропускает «мягкое» порно.

Мы обалдело глядели один на другого.

Глория ван Равен не ожидала появления постороннего мужчины, а я забыл, зачем сюда пришел.

Вулрих попытался налить себе виски и смахнул бутылку на пол. Она покатилась, громыхая, и мы очнулись.

— Кто вы? Что вы здесь делаете? — резко спросила кинозвезда.

Она не смущалась своего полуголого вида, хотя и бросила беглый взгляд на спинку стула, где висела белая с серебристым кантом юбка и черная с кружевом блузка.

— Меня зовут Дэнни Бойд, — смиренно ответил я. — Послан Гугенхеймером с целью вернуть вас на съемочную площадку.

— Гугги нервничает, — Глория обнажила в полуулыбке зубы, — плевать мне на него. Уходите!

— Только вместе с вами! — я показал ей два ряда своих красивых зубов.

— Глория придет, — заплетающимся языком пообещал Эдди. — А сейчас... я вас... стукну... если вы...

— Если вы меня стукнете, мальчик, я буду вынужден пересчитать кости в вашем скелете. А с Глорией мы полетим в Голливуд.

Эдди начал трезветь. Очевидно, моя напористость возымела действие.

— Глория останется здесь... И если полетит... куда-нибудь... то только со мной и туда, куда захочу я.

— Ничего не выйдет. Я получил от Гугенхеймера карт-бланш. Я привезу Глорию ван Равен ко вторнику хоть в спальном мешке, хоть в смирительной рубашке. Но во вторник съемки состоятся!

Конечно, я блефовал и пугал их своими полномочиями, которых на самом деле не было. Гугенхеймер велел доставить красотку, в которую он вложил немало денег, целой, невредимой и в рабочем настроении.

Вулриха я провел: он начал блеять какую-то чушь насчет гражданских прав.

Но Глория оценивала ситуацию иначе: она знала порядки на студии.

— Можете не волноваться, — сказала она холодно. — Не в моих интересах срывать контракт. Я буду во вторник сниматься у Гугенхеймера. Но сейчас — проваливайте и не смейте беспокоить меня.

— Нет, моя дорогая. Мы вместе выйдем отсюда. Можете в таком виде... он прекрасен, и прохожие будут в восторге, — я сделал рукой отмашку в воздухе от подбородка до бедер, —

можете одеться, — кивнул на спинку кресла с одеждой.

— Откуда взялся этот сумасшедший? — Глория теряла терпение.

— Вам ясно сказали — проваливайте! — добавил Эдди.

— Провалились на самом деле вы, Вулрих Второй, — улыбнулся я. — Не пройдет и пяти минут, как Глория поймет это и пойдет со мной.

— Наглец! Идиот!

— Вы пригласили на яхту певицу Элен Фицрой и трубача Моската Муллинса, чтобы они ублажали ваших кредиторов? — невинным голосом поинтересовался я.

— Что за ерунду вы несете! — взревел Вулрих.

Глория наострила ушки:

— На яхте что-то происходит?

— Да, мисс. Там сидит замечательная компания. Сначала явились двое бандитов — посланцы карточного туза из Лас-Вегаса или еще черт знает откуда. Ну-ка, Эдди, вспоминайте, кому вы проиграли двадцать тысяч! Луи Барону! Правильно.

— Какой Луи Барон? — ястребиным оком посмотрела на любовника Глория.

— Один шулер... Всегда он торопится! Я хотел выслать ему чек, — пробурчал Эдди.

Выждав паузу, я продолжил:

— Потом к нам в рубку заглянул настоящий джентльмен. Вы не знаете, Эдди, как зовут усатого лоценого господина? Его зовут Греггом Бейли, и он новый владелец Самба-клуба. Между прочим, в отличие от вас Элен Фицрой, когда узнала эту новость, чуть не грохнулась с табурета.

— Мразь! — крикнул Вулрих, глаза его чуть не вылезли из орбит.

Я не понял, к кому именно относилось это высказывание: ко мне, к Бейли или Элен.

— Мистер Бойд, говорите дальше! — Глория тяжело дышала.

— Так вот... Грег Бейли тоже пришел за своими деньгами... или за бумагами, тут я не совсем понял. Заодно он рассказал нам правдивую сказочку про то, что деньги можно получить только с мертвого Эдди Вулриха, так как живой Эдди Вулрих пуст, как выпитая бутылка. А вот со страховки в четверть миллиона можно поиметь кое-что в счет уплаты долгов вышеупомянутого Эдди Вулриха.

По мере того, как я говорил, великовозрастный мальчик бледнел, а местами даже зеленел.

— Бандиты Луи Барона оживились, узнав про страховку, и рассказали свою правдивую сказочку про то, что многие здоровяки теряют свое отменное здоровье за один щелчок револьвера.

Вулрих булькнул, как идущая ко дну курица.

— Ну вот, Глория ван Равен, я и закончил свой рассказ про то, что происходит на яхте.

В тишине было слышно, как надвигается буря. И она не заставила себя ждать.

Глория с шумом втянула в себя воздух и заорала на Эдди:

— Облезлый попугай! Дерьмо! Болтун! Ты хвастался миллионами и молчал про то, что происходит за моей спиной!

— Все не так, дорогая, у меня есть ценные бумаги, акции... — Вулрих защищался, как мог.

— А вот Бейли сказал, что у вас уже ничего нет, — поддал я жару.

— Это неправда! Я просто не хочу сейчас спускать по дешевке акции, которые через пару недель взлетят вверх.

— А вы предложите кредиторам эти акции в уплату долгов, — посоветовал я с невозмутимым видом.

— Они не возьмут бумажки вместо наличных...

— Бумажки, которые ничего не стоят, — закончил я.

— Какая же гадина лежала в моей постели! — с отвращением произнесла несравненная Глория. — Почему я не столкнула этого прохвоста в море?! Хоть какой-нибудь рыбешке была бы польза.

Она поднялась и, нервничая, стала ходить из угла в угол. Взгляд ее наткнулся на одежду.

— Все! Лечу на съемки! У меня есть Гугги, есть контракт и много работы. Так, мистер Бойд?

— Зовите меня просто Дэнни, — от всей души посоветовал я.

Глория посмотрела на меня изучающим взглядом.

— Значит, съемки во вторник, Дэнни? Но Гугенхеймер хочет видеть меня раньше?

— Да. И мы вылетаем незамедлительно, дорогая.

— Глория! — Вулрих пытался остановить разбушевавшуюся стихию. — Мы ведь собирались провести здесь пару деньков... Не верь всяким рассказням! У меня есть акции нефтяных компаний...

— Отвали! — актриса была свойской девочкой.

Не смущаясь — видимо, это качество напрочь отсутствовало в ней — Глория начала одеваться.

Юбка колоколом взлетела на бедра, сверкнула молния-застежка. Блузка вспорхнула черной птицей и была застегнута одним взмахом руки.

— Идемте, Дэнни! Меня здесь ничего не удерживает.

— Да, пойдём, пока мистер Вулрих не рассказал, что он арабский шейх...

— Рождественские истории Уолл-стрит меня больше не интересуют, — сказала Глория и решительно направилась к выходу.

Я подбежал, чтобы открыть дверь пошире, задержался и... и провалился в черноту.

Кажется, меня саданули чем-то тяжелым — то ли справа, то ли сзади.

Когда я пришел в себя, то обнаружил, что лежу все в том же бунгало номер 73. Домик был пуст. Рядом со мной валялась нераспечатанная бутылка виски — ею и воспользовался Вулрих, чтобы вышибить меня из седла.

Часы показывали половину одиннадцатого. Скоро ночь.

Пошатываясь, я выбрался из бунгало и потащился к ресторану.

Навстречу показались трое. Тот, что шел посередке, был мне не знаком. А вот двоих по бокам я признал сразу. Они тоже покачивались. Но если я держался нетвердо на ногах, сами знаете, почему, то эти двое были пьяны в стельку.

— Где был, идиот? — рыкнул Туша.

— Копался в навозе? — пискнул Лапчатый.

— Фу, как воняет!

— Это он от страха уделался!

Туша и Лапчатый получали удовольствие от разговора друг с другом. Но внезапно замолчали. Тот, кто был посередине, устал от беседы джентльменов и просто-напросто стукнул их лбами как следует. Туша и Лапчатый опали, словно осенние листья.

Третий направился ко мне.

— Я — Луи Барон, — сказал он с ходу и сплюнул. — Что тут произошло? Я послал этих ублюдков по важному делу, а они нализались и ничего не могут объяснить. Хохочут: «Деньги отдаст мертвец».

— С их слов я знаю, что вы хотите получить с Эдди Вулриха карточный долг.

— Еще днем Туша позвонил мне и сказал что-то невразумительное. Он уже тогда был пьян. Я сам виноват, что послал дебилов выколачивать такую большую сумму. Пришлось срочно лететь сюда самому. Не на кого положиться, кругом одни сволочи, подонки и прохиндеи!

Барон напоминал бычка: мощный загривок, большие плечи, длинные руки, крутой лоб... Но сам он был невысокого роста. Стоял на своих коротких ногах и покачивался с пятки на носок. Этот человек был чертовски зол и мог сорвать злобу на ком угодно, хоть на мне.

Поэтому я представился ему с большой осторожностью:

— Я прислан со студии найти подружку Эдди Вулриха... Это известная актриса Глория ван Равен... А зовут меня Дэнни Бойд...

Я рассказал, как уже почти уговорил Глорию лететь со мной в Лос-Анджелес, но Эдди Вулрих подкрался и нанес предательский удар.

— Если Эдди попадется мне в руки, я пушу ему его голубую кровь!.. — сказал я в сердцах.

Как выяснилось, в этот момент наши заветные желания — мое и Барона — совпадали.

Но где сейчас может находиться Эдди? Барон предположил, что он собирает свой багаж на яхте. В любом случае, нам надо было там побывать.

* * *

Москат Муллинс по-прежнему играл блюзы. Я невольно позавидовал его творческой энергии — Муллинс был, как заведенный, как автомат... Соло его трубы слышалось еще на подходе к яхте.

— Это Москат Муллинс? — Барон проявил осведомленность.

— Да, — ответил я. — Гость Эдди Вулриха. А откуда вы знаете его?

— Муллинс играл и в моем клубе... Но он ненадежен. Пьет без меры.

— А я устал от его музыки... Он выбрал какой-то очень грустный репертуар... Каждый блюз играет, как похоронный марш... Вот слышите? Это, кажется, «Успокой его бог навсегда» — траурный блюз.

— Невеселая мелодия. Такую лучше слушать на кладбище, — проворчал Барон. — А что он сейчас затянул?

Недоброе предчувствие сжало мое сердце. Труба не давала сосредоточиться... Но по ком она плачет?

— Быстрее! — крикнул я Барону и взбежал по трапу. — Мне кажется, здесь что-то произошло!

— Если Вулрих отравился или повесился, я только порадуюсь за себя, — процедил Барон, но все же ускорил шаг.

Муллинс сорвался в такой вой, что у меня вновь потемнело в глазах.

— Я проломлю этому трубачу его кумпол его же трубой! — Барон завелся не на шутку.

Мы подбежали к рубке и распахнули дверь.

Москат Муллинс сидел на полу, по-турецки поджав ноги, закрыв глаза, и самозабвенно играл на трубе блюз «Он больше не шевелится». Импровизация завершалась такими мощными звуками, что стекла дребезжали и подпевали тоненькими голосами. Это были последние аккорды похоронного марша. Муллинс впледел в него свое настроение, но мелодия той песни, с которой провожают в последний путь, проступала очень явственно.

Музыка умолкла. Муллинс открыл глаза. Он не видел нас. Он был невменяем.

Перед ним лежала Элен Фицрой. Она была все в том же бикини — белая ткань с черными горошинами. Одна такая же «горошина» застряла во лбу. Но те, на ткани, были просто синтетическими, а дырочка от пули называлась смертью.

Глава 4

Луи Барон рассматривал точеное лицо Элен, ее разметавшиеся черные волосы, загорелую кожу...

— Красивая женщина... — наконец, произнес он.

Москат Муллинс вроде как пробудился от летаргии и поднял мутные тяжелые глаза на меня:

— Налей чего-нибудь... На поминках всегда пьют в память об умершем...

Осторожно обойдя убитую Элен, я приблизился к трубачу и легонько надавал ему по щекам:

— Москат, что произошло? Кто убил Элен?

— Ты принес мне выпить? — это было единственное, что он мог и хотел сказать.

— Оставьте его, Бойд, — поморщился Барон. — Он не только пьян, но, возможно, нажрался какой-нибудь дряни... Вы ничего не узнаете, а нас сейчас застукают рядом с трупом. Паршивое дело!

— Пожалуй, вы правы, Луи. Уйдем, пока не поздно.

Но кто-то уже поднимался по трапу на палубу.

Барон сунул руку под мышку, но я остановил его:

— Труп у нас уже есть. Пистолет в ваших руках усугубит наше положение.

Барон поколебался секунду-другую, но не стал бряцать оружием.

Человек, который вошел в рубку, одет был довольно простенько. Только умные глаза выдавали в нем ищейку высокого класса.

Закрыв за собой дверь, он профессиональным взглядом окинул обстановку, причем, глаза его почти не задержались на мертвой девушке. Только исследовав троих мужчин, находившихся в рубке, — меня, Муллинса и Барона, — вошедший вперил взгляд в Элен Фицрой.

— Мне позвонили и сообщили, что здесь стреляли, — сказал он, наконец, хоть что-то. — Теперь я вижу: здесь действительно лежит труп.

Этот человек был высокий и худой. Он слегка раскачивался, как маятник.

— Вам позвонили? А кто вы? — глухо спросил Барон.

— Я из полиции, естественно. Лейтенант Хардинг.

Барону стало не по себе, он передернул плечами:

— Если вы из полиции, то я из оперы.

Зря он ерничал: Хардинг показал значок полисмена и попросил Барона назвать себя.

— Луи Барон, — пробурчал тот. — Я недавно прилетел сюда из Невады, не прошло и трех часов.

— Дэнни Бойд, — сказал я. — Прилетел днем в поисках Глории ван Равен. Ее заждались в Голливуде на съемках и поручили мне доставить актрису.

— А кто этот человек? — Хардинг показал на Муллинса.

— Знаменитость, — ответил я. — Трубач Москат Муллинс.

— Может, ты плеснешь мне виски? — музыкант с надеждой протянул Хардингу пустой стакан.

Хардинг отстранил его руку и направился к распростертому на полу телу. Он не касался Элен — только обошел ее кругом.

Я счел необходимым сказать:

— Убитая женщина — Элен Фицрой. Она певица.

— Вы знали ее? — лейтенант посмотрел на Луи Барона.

— Нет.

— А вы? — обратился он ко мне.

— Сегодня увидел впервые на этой самой яхте. Тогда она была... живая и здоровая... Я покинул яхту несколько часов назад.

— А появились мы, между прочим, только что, на пару минут раньше вас, — раздраженно сказал Барон. — Трубоч свистел в свою дуделку, а эта дама уже лежала мертвая.

— Значит, вы ничего не видели, ничего не слышали?

— Ничего и никого. Трубоч, возможно, что-то может сказать, если вам удастся его допросить.

— Да... если удастся, — повторил я. — Поставьте его под холодный душ.

Хардинг подошел к Муллинсу и провел какой-то тест. Потом обернулся к нам.

— Этот человек не пьян. То есть он, конечно, пил, но в данный момент напичкан наркотиками. Вряд ли он скажет что-то вразумительное. А чья это яхта?

— Эдварда Вулриха Второго.

— Его можно увидеть?

— Сами ищем, — скривился Барон и переглянулся со мной.

— Сегодня очень многие люди ищут Эдди Вулриха, — добавил я.

— Значит, здесь еще кто-то есть?

— Может быть... Не знаем... Обыщите яхту...

Хардинг вознамерился это сделать, но не успел он дойти до двери, как на палубе послышались шаги — определенно женские. Лейтенант отреагировал мгновенно: спрятался за дверью. Мы с карточных дел мастером остались там, где были.

На пороге рубки показалась Эйприл Мауэр. Она увидела: кто-то лежит на полу, подошла ближе и ... зашла в немом крике. Я наблюдал, как бледность покрыла лоб и щеки девушки. Эйприл едва не упала, но наша доблестная полиция подставила свою крепкую грудь и предотвратила падение.

Эйприл забила в руках не знакомого ей мужчины, но Хардинг успокоил ее:

— Не пугайтесь, я всего лишь полисмен.

— Элен ... там ... Она мертва? — прошептала Эйприл.

— Поэтому я здесь, — сказал Хардинг. — А кто вы, мисс?

— Секретарь Глории ван Равен, — Эйприл назвала свое имя.

Глаза ее были прикованы к мертвой. Эйприл не могла оторваться от созерцания этого кошмара. Похоже, она была в шоке.

— Секретарь ван Равен... — в задумчивости повторил Хардинг и посмотрел на меня. — Эта девушка и вы связаны с ван Равен?

— Да. Мы с мисс Мауэр прилетели сюда одним рейсом и надеялись сопровождать Глорию назад.

— Боюсь, что ваши планы будут нарушены. Здесь произошло убийство.

Он посмотрел по очереди на каждого.

— Но Глория ван Равен во что бы то ни стало должна улететь, — начал объяснять я, однако заметил, что Хардинг не слушает.

Он смотрел в дверной проем.

В нем показались трое. Это были недостающие персонажи трагедии: Глория ван Равен, Эдди Вулрих и Грег Бейли. Они продолжали разговор, начатый еще на берегу, и я услышал, как Бейли поучает Вулриха:

— ... и от кредиторов нельзя избавиться иначе, как...

Я так и не узнаю никогда, как же следует избавляться от кредиторов, потому что Бейли

замолчал и уставился на Элен. Глория закричала и упала в обморок, правда, на руки вовремя подскочившего Хардинга. Эдди стоял, как истукан.

Потом Эдди сделал два коротких шажка, как будто он шел по льду, и вдруг бросился на колени и подполз к мертвой Элен, глядя на нее расширившимися от ужаса глазами:

— Элен!.. Моя Элен!.. Крошка моя...

Он только гладил черные волосы и боялся притронуться к телу, которое уже остыло...

Мы были сильно удивлены, но больше всех тут же открывшая глаза Глория.

— Эдди, что ты говоришь?! «Моя Элен»? — вскричала она. — Все эти дни ты клялся в любви мне. Мне!

Но Эдди не обращал на нее внимания. Его горе было неподдельным.

Хардинг ждал, как будут разворачиваться события дальше, и молчал.

— Ну, кто-нибудь нальет мне? — загремел вдруг Муллинс. — Паршивое обслуживание в этом отеле. Эй, мисс! — он уцепился за юбку Глории.

— Идите к черту, мистер Муллинс! — огрызнулась актриса и вырвала свою одежду из рук музыканта.

Я прекрасно понимал, отчего она так зла: ее обманули дважды. Первый раз — когда выяснилось, что у Эдди Вулриха нет миллионов. Второй раз — когда она поняла, что Эдди любил не ее, а Элен Фицрой, певичку из ночного клуба.

Глория смотрела на любовника со злобой и презрением. Эйприл по-прежнему была бледнее белой бумаги. Лейтенант Хардинг куда-то умчался. Муллинс сидел на полу подле трупа и раскачивался из стороны в сторону, словно совершал некий обряд. Бейли, Барон и я молча наблюдали за происходящим: в конце концов, Элен Фицрой была для нас никем — бабочкой, опалившей на огне свои крыльшки.

Глория долго смотрела и слушала, как убивается Эдди над мертвой, и терпение ее лопнуло. Она схватила Эдди за плечи и стала оттаскивать от трупа.

— Ты!.. В какое положение ты ставишь меня?! Все знают, что я и ты...

Она задохнулась, не находя подходящего слова.

Вулрих брезгливо стряхнул ее руки, посмотрел мимо Глории, в пустоту, и перевел страдающие глаза на Элен.

— Это моя жена, — сказал он всем и никому.

* * *

Утро было безрадостное, хотя солнце ласкало гавань так же, как и вчера, и голубая вода все так же, как вчера, рифмовала легкие белые облака в голубом небе.

Я позвонил Гугенхеймеру, чтобы сообщить дурные вести: полиция запрещает всем, замешанным в убийстве Элен Фицрой, покидать Флориду.

— Положение безнадежно, — сказал я.

— Да?! — заревел продюсер. — Съемки во вторник! Я не потерплю убытков!

— Полиция не выпустит Глорию из своих лап, — не вполне уверенно сказал я.

Гугенхеймер замолчал: наверное, он набирал в грудь побольше воздуха, чтобы заорать с такой силой, которая перешибет мои барабанные перепонки.

Я ошибся. Гугги сказал, что он знает выход, и сказал это очень спокойно.

— Выход?

— Убийцу надо найти к вечеру понедельника. Это крайний срок, — заметил он. — Тогда Глория без препятствий прилетит на студию.

— Но эти болваны, ведущие следствие, эти шерлоки холмсы, они же не способны...

— Я не рассчитываю на них, — кротко ответил Гугенхеймер. — Я рассчитываю на вас. Это вы найдете убийцу, — он засмеялся — в трубке загрохотало. — Хотите получить свои две тысячи? Ну так похлопочите!

— Я не подряжался работать частным детективом и расследовать преступления! — теперь уже заорал я. — Вы поручили мне доставить Глорию! И только за это платите вшивых две тыщонки! Расследование убийства стоит других денег!

— А мне плевать на то, что там у вас стряслось. Я готов обменять две тыщонки, как вы выразились, на Глорию, но больше — ни цента. А если Глории не будет во вторник, вы попадете в «черные списки» на всем западном побережье — это я сделаю, обещаю вам. В наших краях у вас не будет работы!

— Осел! Скотина! Сволочь!

По правде говоря, три последних слова я сказал громко и отчетливо только после того, как повесил трубку.

Злой, как черт, я нашел Хардинга и сам устроил ему допрос:

— Как долго вы собираетесь держать нас здесь, лейтенант?

— Пока не найду убийцу. А убийца, я не сомневаюсь, один из вашей славной компании.

— Значит, мы обречены торчать...

— Не торчать, а отдыхать. Наслаждайтесь жизнью, мистер Бойд, но покидать эти места я вам запрещаю.

— Нам с Глорией во вторник надо быть в Лос-Анджелесе!

— Сожалею...

— У вас вообще есть план расследования? Или вы ждете, когда раздастся небесный глас и укажет вам убийцу?

— Зачем мне глас небесный, когда рядом нью-йоркская ищейка! — Хардинг усмехнулся. — Впрягайтесь! Я не честолобив. Если вы первый распутаете этот клубок, только порадуюсь за вас и себя. Поучите провинциала!

Он нарывался на скандал, но я сдержался. Эмоции — плохой советчик в нашем деле. Скандал был мне ни к чему. За него не платят.

— Вы что-нибудь узнали от Муллинса? — спросил я сухо.

— Действие наркотиков еще продолжается, поэтому от трубача мало толку, — Хардинг посерьезнел. — Клянется, что весь день играл на трубе. Уколотся и снова играл... Это похоже на правду.

— Как раз под действием наркотиков он и мог убить Фицрой. Убил — а сейчас ничего не помнит.

— А мотив преступления? Должна же быть какая-то причина... Хотя бы в подсознании...

— Стоп! Есть такая причина. Элен рассказала мне, что трубач приставал к ней, и она столкнула его с палубы в воду. Он едва не утонул...

— Жидковато...

— Послушайте, Хардинг, а кто вызвал вас на яхту? Вы говорили, что был телефонный звонок!

— К сожалению, мы не можем установить, ни кто звонил, ни откуда звонили. Единственное, что пытаемся сделать, — найти оружие, из которого был произведен выстрел. Сейчас наши люди шарят по дну гавани, подводникам работенка привалила...

— Н-да...

— Есть зацепка с Вулрихом...

— Какая?

— Он растранижил все свои деньги и оказался должен...

— Эту песню я слышал.

— Вулрих застрахован...

— И это уже спето.

— Но жена его, Элен Фицрой, тоже была застрахована! Ее страховка больше, чем у Вулриха, — четыреста тысяч!

— Вот это новость!

Хардинг расплылся в самодовольной улыбке.

— Вот и мотив убийства. Сначала вы страхуете жизнь жены на большую сумму, для отвода глаз страхуете и свою собственную жизнь, а потом убиваете жену и устраиваете спектакль с причитаниями и ползанием на коленях у ног любимой, но мертвой супруги. Зато есть чем расплатиться с кредиторами...

— ... И еще останется на безбедную старость.

Я задумался: хороша или плоха версия, но в ней нет изъянов.

— Между прочим, — сказал Хардинг, — сумма такова, что страховая компания присылает к нам своего агента. Он тоже будет расследовать это дело.

— Но вы уже раскрыли преступление. Вернее, почти раскрыли. Вулрих — убийца собственной жены.

Хардинг покачал головой:

— Нет, не так. Я провел допросы и вижу, что смерть Элен была на руку не одному Вулриху. Точнее говоря, убить мог и другой человек.

— Кто, например?

— Луи Барон. Он хотел получить с Вулриха свои деньги, не так ли? Но, убив Вулриха, он встретил бы такое препятствие, как жена, точнее, вдова покойного. Элен Фицрой могла не признать карточного долга мужа, и Барон остался бы с носом. Так что выгоднее было убить Элен, а не Эдди.

— Где-то вы правы, — скрипнул я зубами.

— Теперь возьмем вашу несравненную Глорию. Вы сами видели, как она бросалась на Вулриха. Ее бесило то, что он любит певицу. Глория могла в припадке ярости убить соперницу, а потом разыграть обморок и все такое...

— Логично, — я был зол на Хардинга и еле-еле скрывал это. — Значит, подозреваются трое?

— Да. Это те, у кого нет алиби. Муллинс был все время на яхте. Барон прилетел к вечеру и был неизвестно где, пока вы не столкнулись с ним у ресторана. Правда, он утверждает, что сидел в ресторане с Тушей и Лапчатым, но это не так. Вулрих, после того, как огрел вас бутылкой, гулял вдоль набережной — с его слов, а свидетелей у него нет. Глория тоже гуляла в одиночестве... Кстати, нет алиби и у Бейли. Вулрих, ван Равен и Бейли сошлись случайно уже возле яхты. Как видите, все зыбко, расплывчато, бездоказательно. И Барон, и Вулрих, и ваша красotka, и даже Бейли могли незаметно пробраться на яхту и произвести роковой выстрел.

— Вы забыли об одной особе, Хардинг. Это Эйприл Мауэр. Что делала она все это время?

— Спала, — Хардинг развел руками. — Мауэр была в каюте и спала. Могла ли она убить Элен Фицрой? Да. Но почему? Зачем? Вы с Мауэр прилетели только вчера и с единственной целью. Эта цель — Глория. Мауэр привезла ее вещи, а вы хотели увезти даму в Голливуд. Ни у вас, ни у Эйприл Мауэр нет мотива для убийства.

— И на том спасибо, — сказал я с сарказмом. — Утешили.

Хардинг не заметил или не захотел замечать моего плохого настроения.

— Устал я чертовски, — пожаловался он и закрыл глаза. — Этой ночью не удалось поспать

ни минуты.

— Ну так идите и отсыпайтесь.

— Последую вашему совету. А вы, Бойд, прислушайтесь к моему: не пытайтесь скрыться. В гавани сейчас много полиции.

— Ладно вам...

— Учтите, если вас с Глорией или кого-то из вашей компании поймают в аэропорту, мне придется посадить беглецов под замок. Я не шучу.

На том мы и разошлись.

* * *

На время следствия всем, кто был на яхте, предоставили бунгало по ту сторону дороги.

Глория сидела возле своего домика. Она была в сиренево-розовом купальнике, который прекрасно гармонировал с золотом ее волос и нежной розовой кожей. Актриса была в центре внимания целой дюжины мужчин, в основном, репортеров. Она принимала позы, кокетничала. «Пресс-конференция в розовых тонах по поводу смерти соперницы», — хмыкнул я про себя.

То-то радости у писак: убийство, в котором замешана кинозвезда.

— Глория, расскажите, как это было. Вы вошли и увидели труп...

— О, я закричала и упала в обморок...

Глория показала, как это происходило. Надо отдать ей должное: делала она свое дело весьма артистично.

— Честно говорю, парни, это было похоже на сцену из фильма. Вот, помню...

Она умела разговаривать с прессой.

Я уже почти прошмыгнул мимо толпы к своему домику, но споткнулся о ноги фоторепортера, лежавшего на земле и выбиравшего точку съемки. Он повернул ко мне пылающее лицо:

— Какая женщина!

Звуки трубы проникали в мое жилище беспрепятственно. Еще один блюз...

Я лежал одетый на кровати и думал, что будет, когда Муллинс, которого разместили в соседнем домике, окончательно придет в себя, очнется, узнает о происшедшем... А ведь он все время был рядом с Элен и, значит, — с убийцей.

Ко мне постучали.

Пришла Эйприл.

— Ну, как настроение, мистер Бойд?

Она тряхнула льняной челкой. Белый лиф, полоска голой кожи, пупок, синие шорты и длинные ноги... Хороша, чертовка!

— Доброе утро, Эйприл! Вы отлично выглядите.

— Какой примитивный комплимент.

— Хорошо, я скажу иначе: хотел бы я видеть вас по утрам, когда еще нежитесь в постели.

— Грубо... И неинтересно.

— Тогда так: если бы я женился, то хотел бы, чтобы по утрам моя жена выглядела так, как вы сейчас... Я опытный мужчина и знаю, что вечерняя красotka утром может и испугать своим ничем не прикрытым естественным видом...

— А вы полагаете, что найдется девушка, согласная выйти за вас замуж?

— Почему бы и нет!

— О, тогда несчастную нужно срочно вести к психиатру! Пусть проверят содержимое ее головы.

— Головы? Вы говорите о строении черепа? Нет, девушку достаточно сводить к френологу.

Я сам неплохой френолог и могу, например, по вашим косточкам — теменной и лобной — определить, добра ли вы, умна ли, добродетельна... дайте пощупать вашу прелестную головку...

— Чего захотел!

Эйприл внимательно посмотрела на меня.

— А ведь и я могу кое-что рассказать о вас — по линии носа, овалу лица, морщинам лба... Несомненно, вы любите женщин как некий сосуд наслаждений, но и презираете их. Это идет оттого, что в детстве вас бросила мать...

— Которая? Мой отец — известный многоженец, — я закурил сигарету. — Матерей у меня было, кажется, четыре или пять...

Эйприл надоели наши игры. Она отошла к окну, прислушалась к трубе Муллинса... Сзади девочка выглядела очень аппетитно. Мне было жаль ее: вряд ли ей удалось сегодня ночью уснуть.

Эйприл повернулась:

— Хардинг сказал, что мы не сможем покинуть Бахиа-Мар до тех пор, пока не найдут убийцу. Как же вы доставите Глорию на студию? — Ее голос был весьма озабоченным.

Я ответил:

— Гугенхеймер приказал мне самому найти убийцу. Или сесть за решетку в качестве такового — лишь бы Глория ко вторнику была на съемках. Как вы думаете, Эйприл, он выплатит гонорар, если я привезу Глорию в среду или в четверг?

— Я думаю, что нет. Гугги — твердый орешек, — она помолчала и, решившись, сказала. — Мне тоже необходимо, чтобы Глория ко вторнику была на месте.

— Вам? — я искренне удивился. — Если не секрет, есть какая-то особая причина желать возвращения блудной дочери в Голливуд?

— Секрет небольшой, — Эйприл сунула руки в кармашки шортов, отчего ткань натянулась, и я вперился в нижнюю часть ее одежды. — Я привыкла к более-менее нормальной жизни. Если Глория не выполнит условия контракта или нарушит их, она в одно мгновение может стать нищей. Вилла, «континенталь» — это ведь взято в кредит. Глория владеет только двумя меховыми манто. А их не съешь на завтрак, обед и ужин.

— Значит, Глория ван Равен еще больше нашего стремится в объятия Гугги! — воскликнул я.

— Теперь вы понимаете, что здесь произошло. Глория рассчитывала на Эдди Вулриха, а он оказался банкротом. Таким же нищим, как она сама.

— Нет, Эйприл. На сегодняшний момент он потенциально имеет деньги. Это страховка Фицрой. Сразу после свадьбы Вулрих застраховал жизнь Элен на четыреста тысяч!

Эйприл открыла рот.

— Но ведь... Тогда и дураку ясно, что это он застрелил Элен!

— Дорогой мой Шерлок Холмс, — я подошел и погладил Эйприл по руке, которую она забыла отдернуть, — дураку, может быть, и ясно, но не лейтенанту Хардингу. Он включил в число подозреваемых не только Вулриха, но и Глорию, Барона, Бейли... Ну, и Муллинса, естественно. Всех, кроме нас с вами.

Она хмыкнула.

— Лейтенанту некуда торопиться. Кроме того, его аналитические способности вызывают у меня сомнение, — Эйприл хмыкнула еще раз. — Мистер Бойд...

— Что?..

— Гугги, как всегда, прав: искать убийцу должны вы сами, не надеясь на Хардинга. И я вам помогу.

Она сказала это так серьезно, что я едва не расхохотался.

— Вы, Эйприл?!

— Да, я. Я не меньше вас заинтересована в этом деле. Я не хочу терять работу секретаря при Глории. Это денежно и не требует особых хлопот. Считайте, что нас связал практический интерес, а именно: деньги.

— Благодарю за предложение. Что я должен сейчас сделать? Заплакать от радости? Признаюсь, никогда еще у меня не было столь хорошенького помощника.

— Вы, наверное, полагаете, что я умею только строить глазки?

— А строить версии не пробовали?

— Я думала, что это работа для детектива, а помощник должен только подбрасывать идеи, фактики...

— Ну и какую идею вы хотите мне подбросить?

— Убийца где-то рядом.

— Шутите? А я думал, что он сидит на Южном полюсе.

Эйприл надулась. На ее бледное личико набежала тень.

— Знаете что, — сказал я и надел пиджак, — прогуляемся-ка по набережной. На свежем воздухе думается совсем иначе, чем в душной комнате. Идея сама выскочит на нас из-за поворота.

Эйприл посмотрела на меня настороженно, но послушалась.

* * *

Только теперь я смог по-настоящему рассмотреть гавань. Радовали глаз катера, яхты и

прочие суденьшки; многие из них были стилизованы под старинные. Я увидел «китайские джонки», «немецкие подводные лодки времен второй мировой» и даже «испанскую галеру». Конечно, все это работало на туристов. На суденьшках размещались бары и ресторанчики, мини-дансинги. Любая прихоть богатого человека исполнялась мгновенно. Он мог выйти в море едва ли не на судне эпохи завоевания Колумбом Америки! Были бы деньги, а уж гребцы, одетые по моде той эпохи, всегда найдутся. Бахиа-Мар — золотое место, понял я. Хорошо бы прилететь сюда еще раз, но без отягчающих обстоятельств. Единственное, что должно отяжелить мой карман, — это тугий кошелек.

Эйприл любовалась суденьшками так же, как и я. Но она, оказывается, много знала о минувших эпохах и неплохо разбиралась в морском деле. Это меня удивило.

Слушая ее реплики, я не выдержал и воскликнул:

— Откуда вы нахватались таких познаний? Из комиксов? У вас была бабушка-пиратка?

— Надо читать не комиксы, а серьезные книги, — наставительно произнесла секретарша. — Например, энциклопедии. Я делаю это регулярно.

— Вы читаете энциклопедии? У вас после этого не болит голова? Не выпадают волосы? Не чешется спина?

— Представьте, нет, мистер Неуч.

— Представил, мисс Выскочка.

— До знакомства с вами мне казалось, что детективы должны быть эрудированными людьми.

— Завтра же куплю себе энциклопедию.

— Ваши мозги заржавели, вам не поможет ни одна книга. Разве что...

— Что?

— Пузырек с машинным маслом.

Понятно, что дальше мы шли молча и старались не приближаться друг к другу. Мы оба были идиотами: вместо того, чтобы обмозговывать, как найти убийцу, препирались по пустякам.

Эйприл первая сделала шаг к примирению.

— Ну и как мы будем разрабатывать версию? — спросила она вполне миролюбиво. — У вас есть соображения?

— Я все время думаю: почему Вулрих женился на Элен Фицрой? Почему Фицрой вышла замуж за Вулриха?

— Вторая часть ваших раздумий абсолютно ясна. Элен вышла замуж, скорее всего, из корыстных соображений. Считалось, это Эдди Вулрих богат. К тому же он был владельцем того заведения, где она пела.

— А зачем Эдди понадобилось связывать себя брачными узами?

Эйприл фыркнула:

— Мужчины часто совершают нелогичные поступки, хотя считается, что это — привилегия женщин.

— Элен Фицрой... — в задумчивости произнес я. — С ней можно было проводить время и даже затащить в постель... Но жениться... Нет, я бы не женился!

Эйприл бросила на меня благосклонный взгляд, но не сказала о мертвой ничего дурного. Мы еще помолчали.

Наконец, в голову ко мне забрела неплохая мыслишка:

— Эйприл! Вот что надо сделать... Допросить Моската Муллинса!

Мой помощник наморщил лобик и вытянул губы трубочкой.

— Лейтенант Хардинг уже сделал это.

— Он сделал это ночью. Тогда Муллинс еще был под действием наркотиков. Сейчас Хардинг спит, а Муллинс играет на трубе. Его сознание прояснилось!

Я с торжеством посмотрел на Эйприл.

— Ну что же, здравая мысль, — согласилась девушка.

— Муллинс должен что-то знать. Он единственный, если не считать вас, кто не покидал яхту. Элен все время была у него на глазах. Быть может, подсознание, о котором мы с вами сегодня говорили, зафиксировало нечто такое, что поможет в расследовании преступления.

— О'кей. Готова признать наличие у вас кое-каких способностей.

— Значит, идем к Муллинсу?

— Но только после ресторана. Я ужасно проголодалась. Прогулка пошла на пользу моему аппетиту.

Поздний завтрак мы проглотили, даже не заметив, что там упало в желудок. Все наши мысли были только об убийстве.

Как ни странно, Муллинс не играл: в его домике было тихо. Солнце жарило вовсю, а я барабанил в дверь домика и звал Муллинса по имени. Старался я напрасно — никто мне не открыл.

«А не высадить ли дверь плечом? Вдруг Муллинсу стало плохо и он отдает богу душу в этом сарае?» — так подумал я и уже хотел повернуться, чтобы посоветоваться с Эйприл, как кто-то навалился на меня и прижал к двери, словно бегемот.

— Эй, полегче! — крикнул я.

Давление ослабло, я глянул через плечо. Меня подпирало чье-то брюхо. Волосатая грудь просвечивала сквозь сорочку. Где-то высоко была голова, смакующая жвачку.

— Привет, приятель! — прогремыхало это чудовище двухметрового роста.

Оказывается, со мной знакомилась! Мне захотелось оказаться за две мили от этого знакомства.

— Я узнал вас, — человек-гора улыбался детской улыбкой и готов был заключить меня в свои железные объятия. — Мистер Дэнни Бойд! Угадал?

— Угадали, — немного нервно ответил я. — А вот кто вы такой?

Здоровяк выплюнул жвачку и протянул лапищу, которая вызвала во мне ужас:

— Детектив Свейн, — сказал он таким густым басом, что я едва не закрыл уши, надеясь, что они мне еще понадобятся в этой жизни.

Зато я вспомнил, откуда этот человек свалился на меня.

— Вы из страховой компании, да? Лейтенант Хардинг говорил о вас.

— Еще один детектив! — обрадовалась Эйприл. — Да с таким телосложением вы можете творить чудеса. Например, выколачивать очередной взнос из нерадивого клиента или...

— Или выбивать показания, — подхватил я.

Свейн посмотрел на Эйприл, как крупный рогатый скот смотрит на мошку. Впрочем, увидев смазливую мордашку и стройные ноги, детектив смягчился.

— Зачем женщине ум, а, Бойд? — он опять животом толкнул меня — это был его любимый жест. — Женщине нужен шарм.

Если бы он дружески толкнул меня еще раз, пришлось бы вызвать карету «скорой помощи». Поэтому я предусмотрительно отошел подальше.

— Дэнни, при вас оскорбляют женщину, а вы молчите! — Эйприл в сердцах ткнула Свейна коленкой по ноге, на что он не обратил внимания — видимо, не почувствовал.

— Я уже знаю, что у вас тут произошло. Пришили дамочку! — Свейн выразительно посмотрел на Эйприл.

Я не знаю, что он делал в страховой компании: возможно, Свейн устрашал кого надо одним

своим видом и громовым голосом. Признаться, я надеялся увидеть на его месте другого человека.

Мы поговорили о Хардинге и о том, как идет расследование. Свейн бросил в рот горсть новых жвачек и принялся так усердно пережевывать их, что я смотрел ему в рот, не отрываясь: боялся пропустить момент, когда он вывихнет челюсть и замрет с нелепо разинутым ртом. К сожалению, до этого не дошло.

— Я так скажу, мистер Бойд, — Свейн с шумом втянул в себя весь воздух побережья, — это дело надо расследовать! Местный полицейский — дохляк. Мы вдвоем поймаем убийцу.

Свейн тоже набивался в помощники. Я чуть было не проговорился, что один такой ... одна такая ... одно такое у меня уже есть.

— Если эта сволочь, что выстрелила в девушку, попадетсЯ на моем пути, я его уделаю! — Свейн поиграл мускулами. — Я его жгутом завяжу! Повешу на собственных кишках! Отрежу...

Фантазия Свейна разыгралась.

— Стоп! Вначале убийцу надо вычислить, поймать и отдать в руки правосудия, — сказал я. — А уж потом вы сделаете с ним все, что будет в ваших силах.

Он заревел:

— В моих силах?! От одной мысли, что подонок разгуливает на свободе, у меня шевелятся мозги!

ПроизнесЯ эту фразу, он одним рывком оторвал меня от земли — я испугался, что воротник и лацканы пиджака, за которые Свейн держал меня, сейчас оторвутся. Он зашептал мне прямо в ухо:

— Я догадался, кто убийца... Это кто-то из вас... из тех, кто болтался на яхте...

В конце каждой фразы он ставил многоточие, а я мечтал, чтобы он поставил точку. Уф! Свейн отпустил мой пиджак, и я грохнулся на землю.

Обретя почву под ногами, я ткнул Свейна пальцем в грудь.

— Вы абсолютно правы. Это один из нас.

Свейн залился радостным детским смехом:

— Каково?! — воскликнул он. — Меня не проведешь! Осталось только...

— Что?

— Схватить убийцу, — резонно заметил агент страховой компании. Он покачал головой, поражаясь моему скудоумию.

Глядя на меня сверху вниз, Свейн уже чувствовал себя победителем: еще немного — и он покажет мне язык.

— Итак, — сказал этот гибрид Кинг-Конга и Большой Медведицы, — мы устроим всем допрос, разложим по косточкам. И найдем того, кто убил крошку.

— А если преступник не расколется?

Свейну эта мысль показалась глубоко чуждой и вообще неприятной: он поморщился. Затем хлопнул руками и потер ладонями так, что они заскрипели:

— Вы, Бойд, и я — это такой динамит, который расколется любую скалу и даже горный массив.

— Надеюсь...

— На себя надо надеяться, на себя! Прочь комплексы! Прочь сомнения!..

Свейн вышел на тропу войны. Я с опаской глянул на Эйприл, но она была безучастна.

— Вы уже посмотрели у Хардинга список подозреваемых? — спросил я великана.

— Да, первым делом. И всех переписал, — Свейн большой лапой похлопал себя по карману, где, вероятно, лежала записная книжка.

— Ну, и кто показался вам кандидатом номер один в убийцы? — меня разобрало

любопытство.

— Луи Барон! — выплюнул агент. — Я знаю немного про этого живчика. У него свое казино в Лас-Вегасе. Майк Свейн там не бывал, но он догадывается, какие делишки обтяпываются в таких местах.

Свейн подбоченился.

Самое интересное, что за его спиной на дорожке, идущей вдоль бунгало, появилась знакомая тройца: Луи Барон с Тушей по правую руку и Лапчатым — по левую.

У меня от предвкушения спектакля зачесалось в носу.

— Майк, обернитесь! К нам идет сам Барон со свитой.

Свейн не счел нужным оглядываться. Он подмигнул мне и сказал свистящим шепотом:

— Вот и удача! Барон сам лезет в капкан!

— Может, я познакомлю вас? — немного нервно спросил я агента, видя через его плечо, что Барон направляется к своему домику.

— Моя визитная карточка всегда при мне, — Свейн исподтишка показал кулак-гирю. — Сейчас я предьявлю ее.

Он достаточно шустро повернулся на девяносто градусов и пошел решительным шагом к своему «кандидату номер один».

— Вы — Луи Барон?!

Свейн спросил это с разбега, перековывая на ходу вопросительный знак в восклицательный. Я поставил ему балл за догадливость: из троих стоявших он выделил шефа с абсолютной точностью.

— Да, — буркнул Барон. — Ну и?..

— Божьи мельницы мельют медленно, но верно. Настала ваша очередь, и я позабочусь об этом!

У Барона дрогнула челюсть. Он посмотрел в мою сторону. Я подошел.

— Где вы откопали этого идиота, Бойд? — хмыкнул владелец казино. — В зоологическом музее?

— Это мистер Свейн, познакомьтесь, Луи. Мистер Майк Свейн, — повторил я. — Хардинг предупреждал, что страховая компания пришлет своего агента разобраться в ситуации со смертью Элен Фицрой. Вот она и прислала...

Пока я говорил, Свейн стоял неподвижно, но шея его налилась и жилы на лбу вздулись.

— Мистер Свейн, — продолжил я свою речь гида и переводчика, — считает, что убийцу найти легко: надо всем подозреваемым пустить кровь, и тот, у кого она окажется черной, и есть сукин сын, который шлепнул жену Вулриха.

Луи Барон закипал, хотя старался держать себя в руках.

— Так вот, — закончил я, — мистер Свейн хочет начать с вас, Барон.

— Хочу.

Ноздри Свейна раздулись, и кулак, описав дугу, чуть не вогнал Барона в землю по пояс. Но на самом деле этого не произошло, благодаря ловкости замухрышки Лапчатого, которого я недооценил.

Когда Свейн еще только замахнулся, Лапчатый высоко подпрыгнул и ботинком заехал Свейну прямо по колену.

Свейн крикнул, но крикнуть не успел. Туша саданул его снизу в челюсть, зубы Свейна лязгнули, как двери вагончика метро, голова запрокинулась, обнажив шею. И это было для агента страховой компании только началом.

Туша глубоко вдохнул воздух, словно нюхал его, и со всей силой ударил противника в шею, в адамово яблоко. Великан покачнулся. Он еще держался на ногах, но глаза вылезли из орбит.

Любой другой на его месте уже отдал бы концы.

Лапчатый, сделав свое дело, отошел в сторонку, чтобы не путаться под ногами у Туши. Туша обрабатывал Свейна один: по шее, по ушам, под дых...

Свейн падал медленно. Он грохнулся, как мамонт, подняв тучу пыли, и земля дрогнула от удара такого тела...

Туша в раздумье застыл над поверженным колоссом. Свейн, как ни странно, дышал.

— Дебил еще живой, — недовольно сообщил Туша Барону.

— Открой ему череп, посмотри, есть там мозги или нет, — посоветовал своим бабьим голоском Лапчатый. — Чего он полез на шефа!

— Думал, что мы — недоноски...

Барон молчал, но по его виду было ясно: доволен.

Наконец он прервал диалог подручных:

— Уймитесь... Отработали свой хлеб, хвалю! Теперь оттащите эту кучу дерьма куда-нибудь в кусты и не мешайте моему разговору с Бойдом.

Туша и Лапчатый бросились выполнять поручение с усердием.

Эйприл исчезла еще во время разборок со Свейном. Так что у меня с Луи Бароном состоялся тет-а-тет.

— Ну, есть новости? — спросил Барон.

Он не глядел мне в лицо, а зыркал сухими злыми глазами по сторонам.

— Увы. Хардинг ничего не раскопал. Мы сидим здесь, как тараканы в банке, несмотря на все красоты Бахиа-Мар, — вздохнул я.

— У меня в Лас-Вегасе дела горят, а я тут отдыхаю, — мой собеседник грязно выругался.

Он метнул в меня тяжелый взгляд — я даже мурашками покрылся.

— Бойд, вы же детектив! Найдите убийцу, пока я сам тут кого-нибудь не пришел.

— Чтобы найти убийцу, нужна хоть какая-то информация, — изрек я.

— Добудьте ее, черт возьми! — Барон был взвинчен до предела. — Профессионалы хреновы! Что вы, что Хардинг... Супермены! Ну и повезло мне, вляпался, как говорится!..

Я понял, что следующее ругательство будет отправлено по моему адресу.

— А как вы, Луи, полагаете, — начал я осторожно, — кто мог убить Фицрой?

— Конечно, муж! — безапелляционно заявил знаток человеческих пороков. — За такие деньги себя самого пристрелить можно! Ясно, что Вулрих женился, чтобы получить потом страховку.

— Но если это так, то он сильно рисковал. Когда правда выползет наружу, страховку Вулрих не увидит, как свою задницу, — уточнил я в задумчивости. — Хотя задницу он может увидеть в зеркале...

— Э, Бойд, — Барон обреченно махнул рукой, — вы ничем не лучше этого кретина из страховой компании. Убийца — Вулрих. Но вам этого не доказать. Кишка тонка.

Он сплюнул.

— А где эта девчонка, что тут стояла? — встрепенулся вдруг Барон.

— Эйприл Мауэр?

— Где она? Если я вынужден торчать здесь до второго пришествия, то хочу это делать вместе с ней. Кошечка с коготками, но мне такие нравятся.

Коротышка с бычьей шеей собирался приударить за Эйприл! Я воспринял это известие почему-то близко к сердцу и занервничал.

— Понятия не имею, куда ушла Мауэр.

— Ладно, не обижайтесь на мои слова, — по-своему истолковал мою холодность Барон. — Я ее найду сам. Кошечка... — он ухмыльнулся. — А вы заведите себе собачку. Она будет вас

охранять.

Он ушел, насвистывая легкий мотивчик.

А я передумал ломиться к Муллинсу.

«Сейчас напьюсь, как скотина, — мысль о виски показалась мне спасительной. — Напьюсь, и будь что будет».

Глава 6

Притащившись в бар, я заказал выпивку и сел в самый темный угол бара.

— Привет!

Голос был чуть хриловатый и ласковый. Я узнал его владелицу еще до того, как обернулся. Золотоволосая Глория ван Равен стояла возле моего столика и улыбалась так нежно, что мои железы тут же начали выделять гормоны.

— Привет, Глория!

На ней был светлый костюм, глубокое декольте которого демонстрировало, что под ним, похоже, ничего не надето. Я помог даме сесть. Она заказала коктейль.

— Дэнни! Я вас искала все утро...

— И в чем я провинился?

— Мне не до шуток... — Глория потупила глаза. — Вы звонили на студию?

— Да.

— И что Гугги?..

— Ужасен, как всегда... Он хочет, чтобы вы появились на съемках не позже вторника.

— Я тоже этого хочу!

Она подняла глаза: это были голубые озера нежности и надежды.

— Дэнни, как нам выбраться отсюда?

Я честно признался, что шансов — никаких.

— Хардинг даже пригрозил посадить за решетку, если мы попытаемся улизнуть из Бахиа-Мар, — сказал я.

— Дурак!

Она отпила глоток и посмотрела на меня более пристально.

— Дэнни, зачем искать убийцу, если понятно, что это Вулрих!

— Вы уверены?

— Разумеется, Вулрих! — Глория волновалась, ее глаза блестели. — Он порочный человек, это видно за милую. К тому же банкрот. Так нагло врать может только преступник! Что я говорю — вы свидетель, вы все знаете!

— Я не против того, чтобы Вулрих занял одну из тюремных камер. Не хватает только одной маленькой детали...

— Какой же?

— Улики! Неопровержимой и доказательной.

У Глории сразу же на лице появилась тайна, и, поманив меня пальчиком, кинозвезда сделала знак приблизить к ее губам мое ухо.

— Я могу вам кое-что рассказать, — проворковала ван Равен.

— Здесь?

— Нет, конечно, — Глория допила коктейль. — В моем домике это сделать будет гораздо удобнее.

Я чуть не подавился виски.

Свидание, разговор наедине и... Мое раскованное мужское воображение неслось куда-то в запретные дали, в те еще края, куда не ступала такая прелестная нога, как та, что была в двадцати дюймах от меня.

— По глазам вижу: вы согласны!

Глория чуть растягивала слова, ее хриловатый голос с волнующими модуляциями творил со мной чудеса — короче, я захмелел без виски.

То бунгало, которое Глория делила с Эдди Вулрихом, осталось в прошлом. Нынешний домик Глории ван Равен был таким же, как у меня. Я подумал, что в Нью-Йорке за такую квартиру пришлось бы выложить долларов восемьсот.

Глория велела мне расслабиться, улыбнулась широкоформатной улыбкой и... закрыла дверь изнутри на ключ.

Я впился в красоту глазами.

— Мне на секунду-другую надо в ванную, — сказала Глория. — А вы, Дэнни, пока... — она сделала паузу, — освобождайтесь от комплексов.

Вильнув бедрами, золотоволосая красавица исчезла.

Я подошел к диванчику, уселся, опробовал пружины: они не скрипели.

Глория появилась в великолепном нейлоновом халате с кружевами, воланами, бантами... Она выступала из этой прозрачно-белой метели, как заря. Жаль, что под халатом было надето что-то еще — короткое, но непрозрачное.

Какой величавой и одновременно игривой была ее походка!

Одна мысль не давала мне возможности забыться, уткнувшись в эти кружева и рюши: я знал, что Глорию волнует только ее финансовое положение среди звезд Голливуда. Я рассматривался ею в качестве того же осла, который пару дней назад служил Эйприл Мауэр и тащил два тяжелых чемодана. Теперь это выючное животное понадобилось Глории ван Равен — я должен был тащить ее саму. Точнее, вытаскивать из этой заварухи.

Глория села на диванчик и произнесла единственно возможное слово. Откуда они знают, что надо говорить в такой момент? И где берут эти интонации?..

Глория сказала:

— Дэнни...

Я растаял.

— Дэнни...

Она погладила меня: провела пальцем от виска до подбородка и прикоснулась к губам.

— Что, дорогая?..

— Я плачу, вы видите?

Она, разумеется, не плакала.

— У меня так тяжело на душе... Вулрих обещал очень многое — деньги, яхту... Он оказался гнусным... Я не хочу о нем говорить...

Голубые глаза стали серыми — почти пепел.

— А ведь я могла оказаться на месте этой певички... Если бы женой Вулриха была не Элен Фицрой, а Глория ван Равен, он убил бы меня так же хладнокровно, как и ее!

Глория встала. Она нависла надо мной белым облаком. Пришлось подать голос.

— Значит, вы по-прежнему убеждены: Элен убил Вулрих?

— Точно.

Облако опустилось на диван.

— Дэнни, вы помните тот вечер, ну... когда мы познакомились?

— Помню ли я нашу первую встречу?

Я осторожно потрогал то место на голове, по которому пришелся удар Эдди.

— Отметина на всю жизнь...

— Извините, Дэнни, — Глория склонила повинную голову. — Эдди тогда сделал знак, чтобы я отвлекла вас, а сам... Еще раз простите.

— Удар был мастерский, хотя, как я помню, Эдди был в доску пьян. Вы неплохо меня одурачили.

— Тогда я совсем не знала вас, — Глория повела плечами. — Когда вы упали, мы с Эдди вышли на свежий воздух, и Вулрих отправился на яхту. А я ждала его на берегу. Эдди сказал, что на яхте у него есть деньги...

— Ну-ну... Становится интересно. Продолжайте.

— Эдди был на яхте около получаса. Вернулся он очень странным. Я бы сказала так: он был не в себе. Мое сердце застучало...

Глория прикоснулась к моей руке, взяла ее своими шелковыми наманикюренными пальчиками и приложила к своей груди.

— Вот так оно стучало...

Ее грудь вздымалась и опускалась. Я почувствовал сквозь нейлон жар и томление.

— И все-таки, что было с Эдди?

Она отпустила руку и вздохнула.

— Эдди был абсолютно трезв. Он сказал, что обожает меня, что мы можем хоть сейчас отправиться в кругосветное путешествие, и предложил, подняться на яхту.

Я был сбит с толку.

— Но где же логика, Глория? Эдди убивает жену, а потом приглашает вас на яхту, зная, что там лежит мертвая Элен?!

— Я думаю, что он сказал это для отвода глаз.

Ее руки вновь занялись мной.

— Не понимаю, Глория...

— Дэнни, а почему мы говорим все время об Эдди? Этот человек вычеркнут из моей жизни. Как можно вспоминать о нем, когда рядом вы... такой мужчина... предупредительный... внимательный... добрый...

— Глория, когда вы ждали Эдди, вы видели на берегу кого-нибудь из знакомых? Или вас кто-нибудь там видел?

— Нет... — она положила свою голову мне на плечо.

— Это плохо... Хардинг считает, что ... — я сквозь нейлон ласкал ее грудь, — ... что Элен Фицрой могла погибнуть ... и от вашей руки.

Глория отскочила на полметра.

— Чудовищно! — ее голос совсем охрип, а глаза резали меня на куски. — Ложь!

— Этот Хардинг просто невыносим, — посочувствовал я. — Но в его словах есть здравый смысл. Поймите, Глория, в глазах полицейского вы просто женщина, обуянная ревностью. Хардинг думает: вдруг Вулрих рассказал вам о страховке жены, и вы решили заодно с любовью приобрести еще и деньги...

Глория сидела холодная, как Снежная королева.

— Я ничего не знала о женитьбе Эдди, — отчеканила она каждое слово. — Тем более, о том, что он застраховал жену.

— Только господь бог может быть вашим свидетелем, — горько сказал я. — Но это уже вне компетенции Хардинга и его ведомства. Короче — алиби у вас нет.

Глория в одно мгновение превратилась в фурию: вскочила, ощерилась, ее прическа сбилась набок, лицо пошло красными пятнами.

— Так вот какого мнения вы обо мне! — заорала она.

— Я только изложил точку зрения полиции, — попробовал я защищаться.

— Кто стоит за вашей спиной? Вулрих? Хардинг? — она дышала мне в лицо ненавистью. — До сих пор я думала, что вы работаете на Гугенхеймера.

— Прежде всего я блюду собственные интересы, — ответил я с достоинством. — Я — частный детектив.

— Детектив, который любит деньги и женщин! Получай!

Она запустила в меня светильником. Не попала — реакция у меня хорошая, светильник, ударившись о стену, разлетелся на мелкие осколки, дождем упавшие на диван.

Я вскочил. Глория бросилась на меня, пытаясь добраться до моей физиономии. Она царапалась, кусалась и щипалась. Эта кукла разозлила меня. Я схватил ее за одежду и потрянул так, что непрочные швы лопнули и в руках у меня оказались одни обрывки ткани.

Я услышал, как что-то упало на пол с металлическим стуком: ключ от домика! Я поднял его.

Глория стояла полунагая и прекрасная. Ей в таком виде надо было на баррикады — крушить империи и царства. Вместо этого она вновь бросилась на меня...

Поняв наконец тщетность своих усилий, неукротимая Глория заметалась по комнате, бросая в меня все, что попадалось ей под руки: туфлю, расческу, пепельницу... Я увертывался, и пока успешно. Кое-как удалось вставить ключ в дверь и даже повернуть его... В этот миг в голову мне полетел цветочный горшок. Я спасся чудом.

— Вон! Убью подлеца! — разносилось, очевидно, по всему побережью.

Глория разгромила свой домик в пять минут. Я прикрывался стулом, пятась к спасительной двери.

— Ваше гостеприимство, Глория...

Закончить фразу я не успел, потому что увидел, как хозяйка домика поднимает над головой утюг.

Мне удалось выскочить из этой центрифуги, где летали массажные щетки, светильники и туфли...

* * *

Я шел к своему домику все еще под впечатлением столь бурно прошедшего свидания.

В домике горел свет. Кто бы мог меня поджидать?

— Где вы ходите? — спросила Эйприл Мауэр, едва я переступил порог.

Она восседала в моем кресле. В ее глазах я видел отражение той, другой, золотоволосой красавицы, замахаивающейся на меня чем-то тяжелым.

— Знаете, Эйприл, — я унял дыхание, — я ведь сам вас искал. Где вы были?

— Я была у себя. Странно, что вы не догадались, — удивилась Эйприл. — Этот Свейн так разочаровал меня, что я решила лишить его своего общества.

Только теперь я как следует разглядел девушку, сидящую напротив.

Это была совсем не та белобрысая девчонка в синих шортиках, с челкой до -бровей, которая приходила утром. Передо мной восседала богиня. Волосы были пышно взбиты и уложены волнами. Платье-туника от хорошего портного без всех этих рюш, воланов и клиньев своим строгим покроем выгодно подчеркивало красоту загорелого тела. Бижутерия из бронзы, сандалии на греческий манер, затейливые серьги-подвески — все это вместе составляло гармонию красок, линий и форм.

А как блестели ее глаза!

Сегодня секретарша затмила свою патронессу. Как хорошо, что Глория этого не знала! Второй бури за день я бы не перенес.

— Ну и чем закончилось знакомство со Свейном? — спросила Эйприл.

— Туша и Лапчатый замордовали бедного гиганта и устранили его ... надолго.

Она сделала движение бровью, из чего я понял, что судьба Свейна ее мало занимает.

В наступившей тишине мы слышали блюз: Москат Муллинс заступил на вахту. Он играл вдохновенно и трепетно...

— Вы помните, мистер Бойд, что мы намеревались сделать утром? — заговорщически понизила голос Эйприл.

— Понимаю, куда вы клоните.

— Так пойдете к Муллинсу теперь!

Честно говоря, мне хотелось совсем другого: положить ей голову на колени и поиграть серьгой-подвеской в ее розовом ушке...

— Хорошо.

Я вздохнул, причесался, и мы вышли на улицу.

Муллинс играл. Но он слышал наш стук в дверь, отложил инструмент и впустил меня с Эйприл.

— Хелло! — сказал я как можно более приветливо. — Мы с Эйприл решили навестить вас.

— Прошу! — Муллинс пригласил внутрь домика.

Жилище Муллинса было стандартным, вдоль стены протянулась батарея пустых бутылок. Здесь также было много и нераскупоренных сосудов.

— Выпьем? — спросил Муллинс без предисловия.

— Я — нет, — Эйприл, конечно, не пила.

— Вы обрекаете меня пить в одиночестве!

Муллинс сказал это прокурорским тоном, как будто Эйприл совершила тяжкий проступок.

— Может, мы вначале поговорим, а завершим беседу одним из этих напитков? — я попробовал сгладить ситуацию.

Но музыкант уже наполнял фужеры чем-то прозрачным.

— Мы хотели бы... — начал я.

— ... чтобы вы помогли нам! — закончила Эйприл.

— Так вы пришли за помощью? — Муллинс удивился. — Откуда у меня могут быть деньги? У меня только звуки.

— Нет, вы нас не поняли, — Эйприл заставила Муллинса сесть.

— Речь идет совсем о другой помощи, — начал я. — Сложилась такая... такое положение вещей, что... и я, и Эйприл, и Глория можем очень крупно погореть...

— Какая-то белиберда! — Муллинс залпом выпил.

— У Глории ван Равен сорвется контракт со студией, если она во вторник не приступит к съемкам очередного фильма, — Эйприл говорила спокойно и так же спокойно смотрела на Муллинса. — Расторгнутый контракт — это убытки и для Глории, и для меня, и даже для мистера Бойда. Мы все окажемся на мели.

— Да... Ужасно... Прискорбно...

Муллинс взял свою трубу и приложился к ней так, как только что к виски.

Эйприл пыталась заглянуть ему в глаза.

— Нас не выпускают, пока не найдут убийцу. Помогите нам.

Муллинс опустил трубу.

— Я тут при чем?

— Вы были на яхте в момент преступления, — сказал я.

— Вы могли кое-что заметить, — Эйприл смотрела на него с надеждой.

— Полиция уже задавала мне такие вопросы. Но, видите ли... Я сидел спиной к двери и играл... Я даже не слышал выстрела. Я не видел, как Элен упала... Я видел Бога и общался с

архангелами... Мы пели друг другу псалмы...

— Муллинс, но, может быть, краешек вашего сознания зацепил нечто такое...

— А когда это было? В какое время суток? — Муллинс смотрел то на меня, то на Эйприл.

— Вечером.

— Вечером... Нет, не помню.

Он начал терзать свой инструмент, пока, наконец, не нащупал мелодию, которую принялся выводить на свет божий с большими погрешностями, впрочем, их можно было назвать вариациями...

— Идея! — воскликнул я, стараясь перекрыть своим голосом голос трубы. — Сейчас вы все вспомните.

Муллинс перестал играть. Эйприл уставилась на меня, как на Санта Клауса.

— Надо выпить! — сказал я.

— Выпьем! — охотно откликнулся Муллинс и потянулся к бутылке.

— Что с вами, мистер Бойд? Что вы говорите? — прошипела Эйприл.

Муллинс помягчел лицом, шлепнул губами:

— Я готов, — и поднял стакан.

— Мы выпьем, потом еще... Короче, мы сделаем все так, как в тот злополучный вечер, — объяснил я. — Мы восстановим его в деталях.

— Надо ввести вас, Муллинс, как единственного свидетеля преступления в то состояние, в котором вы пребывали тогда. Вот в чем и заключается моя идея!

— Вы больны, мистер Бойд, — разлепила губы Эйприл.

— Вот лекарство, — Муллинс протянул мне полный стакан.

Я понюхал виски и тяжело вздохнул: как ни привыкай к тупоумию, все равно оно раздражает.

— Послушайте, вы!.. Мы сидим здесь уже черт знает сколько времени... И будем сидеть в Бахиа-Мар... Пора выкарабкиваться... Если вы ничего не понимаете, не мешайте мне осуществлять свои замыслы.

— Выпить — я всегда понимаю, — сказал Муллинс, наполняя стаканы. — Но остальное — нет.

— Значит так. Вам, Муллинс, надо накачать себя виски до такого же состояния, как в тот вечер...

— Это я сделаю без проблем.

— Вы хотите напоить мистера Муллинса?! — Эйприл разозлилась. — И это в то время, когда он трезв и излагает свои мысли человеческим языком.

— Эйприл, я повторяю: нам надо реконструировать события. Мистер Муллинс должен быть пьян. Он должен играть те же блюзы, что и тогда. Он должен сидеть так, как и тогда... Он войдет в то же состояние и ... что-нибудь вспомнит!

— А вот я понял, — похвастался музыкант. — Надо пить и играть, — и Муллинс с удовольствием опрокинул виски в себя.

— А что должна делать я по вашему сценарию? — Эйприл спросила это с подозрением.

— Исполнять роль Элен Фицрой.

— Кого... исполнять?..

— Убитую, точнее, делать то, что делала Элен. Но до того, как в нее выстрелили.

Эйприл пережевывала информацию довольно долго. Муллинс уже порядком наакался, когда она, наконец, сказала только одно слово:

— Хорошо.

— Вот и отлично! Теперь моя очередь. Я буду убийцей. Эйприл посмотрела на меня

странным взглядом: ей в голову пришла какая-то мысль, скорее всего, — дикая.

— По местам! Каждый знает свою роль, начнем! — я отошел в угол.

— Стоп! — сказал Муллинс. — А почему вы не пьете? Мне одному не одолеть, — он обвел пространство комнаты, заполненное бутылками. — Да и скучно одному-то.

— Но вы должны!..

— Нет! — отрезал трубач. — Или мы пьем все вместе, или я в ваших экспериментах участвовать не буду.

— Мистер Муллинс, это серьезно! — вступила мне на подмогу Эйприл. — Мы ищем убийцу. И в том эксперименте, который предлагает мистер Бойд, есть смысл.

Но Муллинс в своих убеждениях был тверд, как скала.

Надо отдать должное мужеству Эйприл: она второй раз сказала свое «хорошо», взяла полный стакан, выпила, сморщилась, как сушеная винограда, тут же запила виски соком и победно посмотрела на меня.

Я понимал: цена ее подвига — жалованье, то бишь заработок, которого она лишится, если Глория потеряет работу. И все-таки Эйприл оказалась молодчиной.

— Ну, теперь мы посмотрим на вас, мистер Бойд, — змей-искуситель, он же трубач, повернулся ко мне. — У меня и тост имеется.

— Вот как!

— За то, чтобы я вспомнил! — провозгласил Муллинс.

Мы начали пить.

Запасы музыканта оказались нескончаемы. Сколько я в себя влил, подсчитать было трудно. Стены и пол, звуки и лица плыли перед глазами, в голове стоял туман.

Муллинс сразу же занял позицию на полу. Он поставил рядом с собой три полные бутылки и стакан. Он играл на трубе, наливал, снова играл...

Эйприл пыталась имитировать походку Элен: она ходила туда-сюда, то садилась на табурет, то перебирала бутылки...

Эйприл начала танцевать сама с собой. Я охотно потанцевал бы тоже, но не мог подняться на ноги: они были ватные, а пол в домике вообразил себя, почему-то, палубой корабля.

Эйприл, видимо, на мгновение, отключилась и стала падать, хватаясь руками за мебель. Она села, отыскала мутными глазами меня и не нашла ничего лучшего, как браниться:

— Шизофреник! Олух!

— Эт-то я?..

— Вы, Бойд! Вы пьяны! И я пьяна!

— А я трезв, — чтобы произнести эту фразу, Муллинс перестал играть.

Выглядел трубач, как мне показалось, действительно трезвым, хотя две бутылки из трех уже были пусты. Я не без труда повернулся к Эйприл:

— Я что-то сделал не так?

— Ваш этот... дурацкий эксперимент провалился...

— Н-нет! Я категорически... Сейчас мы с вами ляжем на диванчик и посмотрим, провалится он или нет.

— А как же вот это... что вы хотели... реконстру... руkenстру... Э, черт!..

— Эйприл, мы созданы для любви!

— Я тоже, — уточнил Муллинс.

Я встал. Пол понесся мне навстречу с космической скоростью, и спустя мгновение я обнаружил себя лежащим.

— Об этом мы... не договаривались, — прошелестели мои губы, и я пополз к креслу.

Когда я взобрался на него, Муллинс опять играл, а Эйприл опять кружилась.

— Проклятая музыка! — заорал я. — У меня болят от нее уши. Эй, вы! Мои уши...

Муллинс резко оборвал мелодию. Легче мне не стало: камнем навалилась тишина. Это был могильный камень. Я пытался придти в себя.

— Что мы должны делать дальше? — крикнула Эйприл: она, как и я, не владела голосом.

— Он — играет, она — сидит с ним, — крикнул я.

— Вы уверены?

Эйприл, шатаясь, подошла к Муллинсу, ноги ее подкосились, она не села, а, скорее, упала на бок.

Муллинс посмотрел, подумал и затянул блюз.

— Ну, Эйприл, подумайте, что сделала бы Элен сейчас!

Мои слова попали в цель: Эйприл вдруг начала гладить Муллинса по волосам, тереться о плечо и даже о ноги — как собачонка.

— Милый, дорогой...

Он оторвался на миг от трубы — погладил девушку в ответ.

— Элен... Нет, ты не Элен.

И снова заиграл.

Я вслушивался в мелодию и пытался вспомнить, что играл Муллинс в тот роковой вечер.

А эти двое так увлеклись друг другом, что я понял: наступил час убийства.

Я осторожно встал с кресла и, балансируя руками, зашел за спину Муллинса. Вытянул палец и «бабахнул» в Эйприл:

— Пуф! Падай!

Эйприл сыграла свою роль до конца. Упала она превосходно и даже перестаралась: в своем падении Эйприл обнажила не только ноги, но и бедра. Музыкант перестал играть и с интересом рассматривал открывшиеся сокровища Али-Бабы.

Но вот Муллинс затянул свой похоронный блюз «Он больше не шевелится» — его-то я вспомнил. Именно под эту мелодию вступили мы с Луи Бароном на палубу яхты.

— Всем — большое спасибо! — уныло сказал я. — Эксперимент закончен.

Эйприл поднялась с неохотой: ей больше нравилось лежать.

— Ну почему... — проговорила она заплетающимся языком, — почему закончен?.. У меня вот здесь чего-то не хватает... — она показала на лоб, где, по ее мнению, должна была быть дырочка от пули.

— Мистер Муллинс, — обратился я к музыканту, — вы вспомнили? Ну хоть что-нибудь...

Он положил инструмент рядом с собой.

— Что?

— Вы вспомнили детали, подробности?..

— Какие?

Он был пьян в доску.

— Ну вы хотя бы слышали, как я «бабахнул» в Эйприл и крикнул ей «падай»?

— Нет.

Я плюхнулся на диванчик рядом с Эйприл. Она потянулась к бутылке на полу. Подняла ее, поболтала и сказала очень просто:

— Предлагаю выпить. Эксперимент завершился рестуа... резульстуа...

— Результативно! — не выдержал я издевательств над языком.

— Да! — Эйприл подняла палец. — Теперь мы знаем точно: мистер Бойд — гениальный дурак!

— Умная! — огрызнулся я.

Муллинс молча нашел полную бутылку и занялся стаканами. Для пьяного человека он

действовал необычайно четко: не пролил ни капли.

Мы подняли свои чаши, но в это мгновение домик затрясся, как будто под нами проснулся вулкан. На самом деле кто-то стучал в дверь. И я уже начал догадываться, кто.

— Стучат, — глубокомысленно изрекла Эйприл.

— Наверное, хотят выпить, — Муллинс взял трубу и затыкнул блюз «Я ничего тебе не дам».

— Откроем? — нерешительно предложил я. — Дверь может не выдержать.

— Там — мужчина, — пришла к заключению Эйприл. — Это определенно мужчина.

Открывайте, я хочу... его видеть.

Пошатываясь, я подошел к двери и щелкнул замком. Потом предусмотрительно отошел по стеночке в угол. В домик Муллинса ввалилось нечто огромное бело-красное и к тому же пылящее. Белыми, как я разобрался, были бинты и наклепки, красными — нос и остальные части тела. Все это передвигалось как-то боком, неуклюже переставляя ноги и пошатываясь, ну, почти, как я.

— Хелло! — прохрипело чудовище и уставилось на красавицу. — А где коллега?

— Чей?

— Мой!

— Я здесь, Свейн! — пришлось выползти из своего угла. — Что это с вами?

— Не притворяйтесь! Это вы!.. И вам от меня не уйти!.. Надеялись на Барона? Хотели избавиться от конкурента? Нет, я еще смогу уложить вас...

Он не закончил. Потому что я вспомнил Лапчатого и то место, куда он бил. Мне было достаточно несильного удара ногой по колену Свейна, как агент, театрально взмахнув руками, упал. Его красная рожа оказалась доступной. И я вмазал по ней кулаком от всей души.

Свейн даже не хрюкнул. Он застыл на полу, как озеро студня.

Я был вознагражден за труды радостным воплем Эйприл:

— Экстракласс! — она посмотрела на меня с восхищением. — Я первый раз наблюдаю вас в деле, и уже готова простить этот эксперимент...

— Он закончился, и не напоминайте о нем, — потупился я.

— Тогда... разойдемся по домам, — сказала Эйприл.

Мы обошли отдыхающего Свейна, кивнули Муллинсу и выбрались из домика. Вслед нам неслась зауспокойная песнь трубы «Он больше не шевелится».

Как истинный джентльмен, я решил провести Эйприл до самого домика.

Держась за руки, мы дошли без хлопот.

После шестой попытки Эйприл вставила ключ в замок и открыла дверь. Я втолкнул даму в комнату и, поддерживая рукой за талию, занялся поисками выключателя. Он был обнаружен! Свет вспыхнул, и мы посмотрели друг на друга.

От великолепной Эйприл осталось лохматое существо с неясным взором. Я, видимо, выглядел не лучше.

— Сейчас я угощу вас, Бойд, — начала Эйприл, но осеклась. — А виски у меня нет!

— Вообще-то, Эйприл, мне почему-то не хочется виски, — сказал я. — Я предпочел бы кофе.

— И кофе нет.

Эйприл расплакалась.

Я принялся утешать ее, но она рыдала, как нанятая. Что было делать? Я зажал ее мокрое лицо в своих ладонях и сказал:

— Подождите пять минут. Сейчас я принесу выпивку.

— Вы решитесь на такой героический поступок... — восторженно всхлипнула Эйприл.

Я выбрался на дорожку и начал соображать, где находится бунгало Муллинса. Хотел идти на звук, но труба молчала.

Когда я ввалился в домик музыканта, Свейн все еще лежал на полу. Муллинс рассматривал эту гору мяса с любопытством. Он поднял голову, увидел меня, и лицо его перекосила злобная гримаса:

— Какого черта вы тут шляетесь?

Я почувствовал себя так, как будто сегодня действительно убил Элен Фицрой, «бабахнув» в нее из пальца.

— Выпить.. Крошка... плачет... Нет виски... — слова не шли на язык.

Муллинс махнул рукой.

Я долго перебирал бутылки, пока не нашел одну — вскрытую, но опорожненную наполовину.

— Стойте! — крикнул Муллинс, видя, что я иду к двери.

— Вы хотите взять мзду? — я поболтал жидкостью в бутылке.

— Кто это? — Муллинс показал на Свейна.

— Агент страховой компании. Копаются в нашем дерьме. Меня он не интересуется.

— Меня тоже. Забирайте его.

— Куда?

— Куда хотите. Очистите воздух.

Муллинс бывал груб, я это знал. Но мы же провели вместе вечер, и так славно! Мог бы быть повежливее...

— Хорошо, я попытаюсь привести Свейна в чувство, — сказал я.

Наклонившись над Свейном, я увидел, как что-то льется ему на лицо. Бутылка, которую я вставил во внутренний карман пиджака, не была закрыта. Я выпрямился, поправил бутылку и снова наклонился, стараясь держать свое тело под таким углом, чтобы сохранить остатки влаги. Но виски все равно пролилось на Свейна. Тогда я осторожно встал на колени и, не напрягая торса, ухватился руками за одежду Свейна и потянул его на себя.

Муллинс наблюдал за моими манипуляциями с плохо скрываемым недоумением.

Агент очнулся. Возможно, это произошло под воздействием высокоградусного напитка, окропившего его уста. Он почмокал губами, слизывая виски, и открыл глаза.

Я тащил его к двери, а верзила не сделал ни единого движения ножкой, чтобы помочь мне.

Наконец Свейн и я оказались на свежем воздухе. Дверь за нами защелкнулась на замок.

— Что вы делаете, мистер Бойд? — жалобно спросил Свейн. — Вот уже пять минут я наблюдаю за вами и не могу понять. Куда вы меня тащите? Где мы?

Я понял: Свейна сегодня так часто били, что кое-какая из его извилин выпрямилась окончательно.

— Вы упали, Майк, — сказал я.

— Я упал... сам? — кое-что Свейн все же помнил или пытался вспомнить.

— Вам помогли это сделать.

— Кто?

— Москат Муллинс. Вы мешали ему играть на трубе.

Почему я соврал? Почему назвал имя музыканта? Возможно, сработала недавняя обида на трубача. Да и не все ли равно, когда меня ждет дама и плачет без виски!

Я вошел в ее домик, оставив Свейна лежать там, где я его положил. Торжественно я достал из кармана бутылку: в ней, несомненно, кое-что плескалось!

Эйприл взвизгнула. Она забралась на диванчик с ногами. Ноги ее были голые, и я уставился на них.

— Спасение от жажды прибыло вовремя! — провозгласила Эйприл и помахала мне.

Я очнулся от созерцания ног, принялся искать бокалы и наливать виски. Поставил бокалы на столик возле диванчика.

— Ну, иди же сюда, милый!

Эйприл похлопала ладонью по мягкому ворсу.

Я оказался подле нее в мгновение ока. Девушка была в силе: она опрокинула меня навзничь. Я открыл рот, но слова не попадались мне на язык. Впрочем, вскоре рот был занят кое-чем более существенным. Эйприл растеклась по моему телу, я не мог сопротивляться и сдался на милость победительницы.

Но вскоре Эйприл потянулась к столику, где стояли бокалы. Она выпила виски так, словно пила обыкновенную воду.

— За тебя, мой Феникс!

— Я — Дэнни! Ты напутала, дорогая.

— Ну вот! — она фыркнула. — Бокал пуст... Но он только что был полным... Я видела это...

Эйприл заглянула за спинку диванчика, чтобы обнаружить того, кто крадет виски.

— А вот еще бокальчик! — она увидела мой наполненный сосуд.

Вскочила, осушила его.

— За твое здоровье, Бенни!

— Дэнни!

— Хорошо, я согласна!

Девушка сделала широкий жест, и бокал, ударившись о стенку, разлетелся вдребезги. Эй-богу, секретарша шла по стопам своей патронессы. Я сел и оглянулся в поисках светильника и утюга, чтобы спрятать их куда-нибудь.

— Ты страстный, ты страшный, — Эйприл устроилась на моих коленях, — твой напряженный профиль волнует меня... В нем столько энергии... О, Дионисий!

— Дэнни! Эйприл, меня зовут Дэнни!

— Ну и черт с ним, с этим Дэнни. Я же говорю о тебе. Ты такой развратный и такой желанный... И все женщины от 18 до 80 хотят иметь с тобой близость...

Ее рука забралась под мою сорочку и начала гладить волоски на груди. Все лучше, чем бросаться бокалами.

— У тебя много женщин, и это бесит меня, — говорила Эйприл. — Отталкивает и притягивает одновременно... мой мистер Бонд!

— Дэнни Бойд! — скрипнул я зубами.

Эйприл доверчиво прижалась ко мне, обхватила руками. Она уснула на моей груди, как котенок. Ну что же... Ей надо отдохнуть, подумал я. Быть может, ночью нам придется вступить в схватку со страстью, и не один раз.

Через пять минут я убедился, что сон ее можно назвать мертвецким. В некоторых случаях джентльмен вынужден отступать... Мне пришло в голову, что неплохо бы принять душ и переодеться.

Я высвободился из объятий Эйприл, поцеловал спящую и тихонько прикрыл за собой дверь.

Я все еще был пьян, хотя Эйприл спасла меня, выпив все виски. Иначе бы мне пришлось на четвереньках искать свой домик.

Еле-еле передвигаясь, всматриваясь в номера бунгало, я подводил неутешительные итоги. Свейн избит. Глория в ярости. Муллинс ничего не вспомнил. Эйприл... Но ведь она была сильно пьяна и вряд ли узнает во мне завтрашнем меня сегодняшнего.

А главное — я так и не приблизился к разгадке убийства Элен Фицрой.

В своем домике я зажег свет и принялся раздеваться и разуваться, что было нелегко. Я стонал и кряхтел, кляня все на свете, как внезапно услышал стук.

Кто бы это мог быть в такой поздний час? Муллинс? Глория? Свейн? Эйприл? Скорее, Эйприл. Проснулась, бедняжка, и пошла искать меня.

Я без энтузиазма открыл дверь.

На пороге стоял Эдвард Вулрих Второй. Его аристократическая внешность полиняла, да и спеси поубавилось.

— Простите, Бойд, но я не мог найти вас раньше. Вы один? — он быстрым взглядом оглядел мое жилище.

— Ну проходите, — сказал я довольно грубо.

— Простите меня за то, что случилось... Это свинство, я понимаю...

Вулрих не знал, с чего начать разговор. Но я не собирался помогать ему.

— Если не возражаете, я присяду.

Он занял кресло и закусил губу.

— Мистер Бойд, выслушайте меня.

— Поздний час для исповедей, — ответил я. — К тому же вы видите перед собой не священника, а детектива.

— Я постараюсь коротко, — Вулрих взглянул на меня чуть ли не с мольбой. — Мне очень тяжело... Все считают, что убийца — я. Но это не так. Вы детектив, вы сами сказали сейчас...

— Сказал...

— Если бы я заплатил вам ... и если бы вы согласились... то... может быть, вы нашли бы настоящего убийцу... А?

В его глазах было столько надежды, что я дрогнул. Но потом вспомнил про шишку на голове.

— Мистер Вулрих, я нахожусь здесь с единственной целью — выполнить поручение мистера Гугенхеймера. И вы это прекрасно знаете.

Тыльной стороной ладони я потер макушку. Вулрих опять затянул:

— Еще раз простите, мистер Бойд. Я тогда не знал... Столько переживаний за эти дни... Они думают, что я убил Элен из-за этой проклятой страховки! Элен!..

— Да, факты не в вашу пользу.

— Глория, Элен, страховка... Все переплелось в тугой клубок. Распутайте его, мистер Бойд!

— Нет.

— Десять тысяч!

— Нет.

— Хорошо, пусть будет больше. Сколько?

— Нет.

— Я так и думал...

Плечи его опустились, голова затряслась. Прикуривая, Вулрих долго не мог направить огонек на кончик сигареты.

— Какова ваша цена, Бойд? И... — он запнулся, — есть ли она?

— А почему вы так боитесь, Эдди? — ответил я вопросом на вопрос. — Честному человеку нечего бояться.

— Я поставил себя на место следователя и понял, что дела мои очень плохи. Факты... А тут еще этот агент из страховой компании...

— Майк Свейн? Это он нагнал на вас страху? Свейн — дебил, причем редкостный.

— Я справился с ним! — Вулрих немного повеселел. — Ударил клюшкой от гольфа, а потом — вот так, — и он показал, как. — Правда, Свейн, когда падал, задел кое-что из мебели и накрылся обломками... Ну и удивится администрация, когда мы покинем Бахиа-Мар! Столько всего перебито в домишках... А люди, вроде, все приличные.

— Ну как? Вы поможете мне? — Вулрих оказался прилипчив.

— Может быть...

Эдди онемел от радости, чуть ли не поклонился мне. Пришлось разъяснить ситуацию.

— Не думайте, Вулрих, что я делаю это ради спасения вашей шкуры. Найти убийцу — в моих собственных интересах.

— Я заплачу вам все равно! — твердил Эдди. — Только найдите этого ублюдка!

— Если вы искренни, то должны рассказать мне свою историю женитьбы на Элен Фицрой, — я раскурил сигарету и поудобнее устроился на диванчике, поняв, что подводить итоги дня еще не время.

— Элен пела в моем клубе, — начал Вулрих, — я видел ее довольно часто... В общем, обычная история... Мы не афишировали брак: время для веселья было неподходящее. Мои дела катились с горы. Акции обесценились... долги... плюс проценты... Короче, я оказался в минусе тысяч на двести. Подвернулась Глория ван Равен. И я решил, что смогу у нее перехватить денег... Сделал вид, что влюблен, начал ухаживать. Глория не знала об истинном положении моих дел. Я мог заморочить ей голову — для этого мы и отправились во Флориду. Конечно, Элен не вписывалась в ситуацию, но и бросать ее одну я не хотел. Поэтому Элен пригласила своего приятеля — трубача Моската Муллинса. Глория поняла это так, что Элен и Москат — любовники.

— Вы так относились к своей жене, что сами порождали сплетни? — язвительно заметил я.

Вулрих ничего не сказал: он сегодня не хотел со мной ссориться.

— Глория строила на мой счет планы. Она так же, как и я, хотела снять с меня пенку... Потому и помчалась сюда...

— Да, маленькое общество больших врунов, — удовлетворенно пыхтел я сигаретой. — Ну и кто кого обманул в большей степени?

— Обманулись все. Глория думала, что я — воротила с Уолл-стрит. А я думал, что кинозвезда купается в деньгах...

— Это я уже понял.

Вулрих по-прежнему не обращал внимания на мой тон и колкости.

— Я любил Элен, — сказал он и добавил: — Было бы лучше, если бы убили меня.

— Но тогда ваши кредиторы не получили бы ни цента, — вспомнил я слова Хардинга. — Вдова могла отказаться от большинства ваших долгов; значит, такой вариант был кому-то невыгоден. А вот в случае гибели Элен, вы, получив страховку, будете вынуждены расплатиться со всеми. Так что, например, у Луи Барона были основания проделать в черепе вашей жены маленькую дырочку...

— Барон?! — Вулрих вскочил.

— Или еще один ваш «друг» — Грег Бейли.

— Грег?

Вулрих покачал головой. Первая кандидатура его разволновала, вторая — успокоила.

— Бейли не стал бы убивать. Он финансист. Ему не нужен пистолет, чтобы уничтожить человека. Со мной, во всяком случае, он разделался классно. Сначала предложил большие деньги в долг, потом подключился к аренде некоторых моих заведений, предложил крупную сумму под залог имущества... Я деньги потратил... И незаметно лишился всего... Даже яхта теперь принадлежит Бейли.

— Какого черта он притащился в Бахиа-Мар?

— Надеялся загрести еще кучку «зелененьких». Я ведь не все бумаги подписал и не все долги ему вернул. А так как я рассказал ему о своих планах в отношении Глории, то стервятник и явился за добычей.

— Плохи ваши дела, Вулрих...

Он затаился сигаретой, глядя немигающими глазами в пустоту.

Мы докурили, и я проводил Вулриха до двери.

— Я очень надеюсь на вас, Дэнни, — Вулрих назвал меня по имени, но я не попался на этот крючок.

— Знаете что, Эдвард Вулрих, — сказал я ему, стоя на пороге, — вы сами довели свои дела до такого состояния, что пришлось впутывать и Элен, и Глорию — женщин, которые тут ни при чем. Как бы ни был туп Майк Свейн, но страховая компания не отдаст ни единого доллара, десять раз не проверив факт смерти вашей жены. Они выжмут из вас все соки. И лейтенант Хардинг постарается. Он найдет способ упрятать вас за решетку. Тюрьма для вас — это не такое уж плохое место, вы там будете кстати.

Я не дал ему возможности ответить и захлопнул дверь.

Я не сомневался, что Эдди повинен в смерти Элен — если не прямо, то косвенно. Бахвал, циник, игрок, мот — Эдди Вулрих был мне крайне несимпатичен.

* * *

Провалившись в сон, как в яму, я был вздернут с постели в половине шестого. Меня никто не будил. Какой-то внутренний колокол ударил — бам! — и я проснулся.

Что-то случилось.

Я оделся и вышел из бунгало.

С удивлением увидел, что в некоторых домишках зажегся свет.

Ночь еще не кончилась. Изумительное предутреннее состояние земли и неба разрушала тревога. Через секунду я понял: тревога исходит от какого-то предмета, лежащего на дорожке между домиками. Предмет был большой, темный, неподвижный.

Я подошел ближе.

Позади раздалися шаги, я обернулся: ко мне, одеваясь на ходу, спешил Грег Бейли.

— Что произошло? — крикнул он. — Я слышал выстрел.

То, что лежало на земле, было трупом.

Вдвоем мы склонились над мертвецом.

— Кто это? — спросил Бейли.

Я мог бы ответить, не переворачивая труп. Но я все же откинул задрывшуюся полу пиджака, чтобы увидеть мертвое лицо Майка Свейна.

— Вы узнали его? — свистящим шепотом спросил Бейли.

— Майк Свейн, агент страховой компании, — ответил я. — Часов шесть назад был жив. Правда, не скажу, что здоров. Его били вчера крепко... И вот — убили.

— Он что, тоже проводил расследование?

— Да. Страховая компания прислала его сюда, прежде чем решить, платить или нет страховку Вулриху. Свейн был дурак, но верил в удачу и в силу своих кулаков.

— Второй труп в Бахиа-Мар, — в задумчивости Бейли выпрямился и потер переносицу. — Так мы распугаем всех туристов...

— Черт с ними! Надо сообщить лейтенанту Хардингу о происшествии.

— У меня в домике есть телефон, я позвоню Хардингу, — Бейли деловито подтянул брюки и поспешно удалился от трупа.

На дорожке появилась Глория. Она была напугана и не успела, а может, не посчитала необходимым одеться — на ней была только прозрачная ночная сорочка. Глория шла нерешительным шагом, но, увидев меня, обрадовалась.

— Это вы! Я слышала выстрел и не могла лежать... Кого-то убили? — она не отрывала глаз от туши Свейна.

— Да. Убит человек.

— Кто?

— Вам что-нибудь говорит имя Майка Свейна?

Она покачала головой.

Странно, что в такой момент я мог любоваться ее телом в прозрачном одеянии.

— Свейн работал в страховой компании. Он должен был встретиться с вами.

— Со мной? — она забеспокоилась.

— Вы были в списке подозреваемых.

Бейли подкрался совсем незаметно и тоже принялся разглядывать Глорию.

— Ну, что Хардинг? — спросил я.

— Что? — Бейли не слышал моего вопроса.

— Хардинг! Вы разве не звонили ему?

— Да-да, звонил, — Бейли вернулся к реальности. — Хардинг выезжает сюда.

Финансист повернулся к Глории:

— Мисс ван Равен, я полагаю, что полиция разберется во всем без нас. Давайте я провожу вас к домику.

— Спасибо, Грег! Вы так предупредительны...

Скорее автоматически, чем сознательно, Глория начала отрабатывать на Бейли свои женские приемчики.

Они ушли.

Я еще раз осмотрел труп. Почерк убийцы был легко узнаваем: на лбу чернела дырочка от пули — точно на том же месте, как и у Элен Фицрой...

Глава 8

— Вы всех подняли с постели? — мой вопрос прозвучал довольно иронично, с насмешкой, хотя я не ставил такой цели.

Я погасил сигарету — десятую за это утро. Противный табачный привкус портил все. Даже лазурная гавань за окном, блестящая на солнце, была мне омерзительна, как сверкающий инструмент дантиста.

Хардинг посмотрел на меня и хмыкнул:

— Конечно, всех. Когда речь идет об убийстве, лично я не сплю...

— ... и другим не даю спать.

Мое самочувствие было плохим. Едва только я прикрывал глаза, как видел мертвое лицо Свейна и черный зрачок смерти на лбу...

— Чего вы злитесь? — сказал Хардинг. — Вам-то что?! Это у меня неприятности. Прокурор уже звонил... Второе убийство в Бахиа-Мар, — он повторил мысль Бейли.

— Самое странное — кому помешал этот дебил?!

— Он всем представлялся агентом страховой компании, но на самом деле не был им.

— Как?!

— Только сегодня прилетает настоящий агент, его зовут Чалмерс.

— Кто же тогда Свейн?

— Жулик. Мелкая сошка. Дебил.

— Но зачем он разыгрывал нас весь день? Корчил из себя детектива...

— Кому-то нужен был этот спектакль. Свейн, я думаю, работал по наводке. Надеюсь, что я правильно угадал, на кого он работал.

— И на кого?

— На Луи Барона.

Хардинг предложил мне сигарету, но я скривился так, словно проглотил, хорошенько разжевав, лимон.

— Если Свейн — человек Барона, то почему Туша и Лапчатый избили его до полусмерти?

— Вы сами видели это?

— И я, и мисс Мауэр.

— Избили, говорите? Ну, такой горилле, как Свейн, пара тумачков — что пряники. Особенно если за тумачки хорошо платят.

— Если Барон нанял Свейна, значит, у него была определенная цель. Но зачем избивать Свейна? Что кроется за этими побоями?

— Я нащупал кое-что и поэтому хочу еще раз допросить Барона.

— Лейтенант, я могу присутствовать при допросе?

— Оставайтесь, — милостиво разрешил Хардинг.

Мы находились в кабинете администратора ресторана. Хардинг договорился, что может использовать кабинет для допросов.

Я еще раз посмотрел на гавань из окна. Второе убийство в курортном месте. Бахиа-Мар скоро затмит славу любого бандитского города. Гавань влюбленных... Какая-то чертовщина...

Набывшись, в кабинете появился Луи Барон. Коротышка упаковал свой мощный загривок в светлую сорочку, надел такие же светлые брюки, а на нос нацепил солнцезащитные очки.

— Зачем вы меня сюда пригласили? — закричал он с порога Хардингу.

Тот не торопился с ответом. Хардинг умел обращаться с людьми подобного сорта. Лейтенант расхаживал по кабинету, бросая взгляд то в окно, то на свои бумаги на столе.

Барон заводился все больше.

— Фараонские шуточки?! Видал я таких фараонов!..

— Вчера днем вы встретились с мистером Свейном. Ваши подручные нанесли Свейну физические увечья. У меня есть свидетели происшедшего — мистер Бойд и мисс Мауэр.

Хардинг чеканил каждое слово, глядя Барону в лицо.

— Ну и что с того? — Барон держался довольно уверенно.

— А то, что Свейн называл вас наиболее вероятным убийцей Элен Фицрой! Он угрожал вам! И вы его избili.

— Да, мои люди немного помяли ему бока, — Барон ухмыльнулся. — Я что, должен был ждать, когда этот сумасшедший побьет меня? Между прочим, мистер Бойд видел, как Свейн поднял на меня руку!

— Но не ударил! — подал я голос.

Хардинг атаковал со своего фланга:

— Вы боялись Свейна. Вы ведь не всегда ходите в сопровождении свиты головорезов. Из этого вытекает...

Хардинг сделал паузу.

Барон насторожился.

— Что вы хотите сказать? Говорите!

— Вытекает то, что вы, Луи Барон, подкараулили и убили Майка Свейна. Страховая компания раздавит вас.

Барон сорвал очки, глаза его метались по комнате, лицо побагровело.

— Я?! Убил?! Вы... такой же сумасшедший, как этот мертвый болван!

— Я постараюсь доказать вашу вину, — спокойно сказал Хардинг.

— А я найму адвоката... Я сотру в порошок... Я... Вас дисквалифицируют!

Барон сжал кулаки и с большим трудом сдерживал себя от того, чтобы не наброситься на лейтенанта полиции. Хардинг продолжал заводиться противника.

— Между прочим, страховая компания присылает еще одного человека, — он держал бесстрастный тон. — Мы вас выведем на чистую воду. Страховая компания — организация мощная. Вы погорели, Барон!

Владелец казино вспотел. Похоже, не у меня одного было испорчено настроение в это утро.

Я наблюдал за словесной дуэлью Хардинга и Барона с большим интересом. Барон говорил, распаляясь и кипящаясь. Он то садился в кресло, то вскакивал и бегал по кабинету. Хардинг хмыкал, смотрел насмешливо, говорил, не торопясь.

Выиграл Хардинг.

Барон остановился перед ним и закусил нижнюю губу.

— Я должен вам сказать... Я вынужден признаться...

— В чем?

Тон Хардинга был холодным.

— Это я нанял Майка Свейна.

Да... Хардинг оказался прав: игру в детектива Свейна затеял этот коротконогий мафиози.

— Что из себя представлял Майк Свейн? — спросил Хардинг.

— Так, мелкий мошенник... Я заплатил ему, чтобы он сыграл роль агента страховой компании. Я надеялся, что Свейн, во-первых, подтолкнет вас к более активным действиям и, во-вторых, напугает убийцу, и тот выдаст себя... ну, допустит какую-нибудь оплошность... Вы же знаете, как я тороплюсь домой! В Лас-Вегасе полно дел, а вы не чешетесь...

Глаза Барона были злыми.

— Почему ваши люди избili вчера Свейна? — протокольным голосом спросил Хардинг.

— Для достоверности. Чтобы все поверили...

— Понятно. Ну и как вы сами оцениваете ситуацию?

Барон уставился в пол.

— Идея со Свейном себя не оправдала, — процедил он сквозь зубы. — Все били этого идиота, но никто ничего путного не сказал. Если бы я мог знать, что Свейн так туп, то не стал бы втягивать его в это дело.

Про себя я подумал, что убийца оказался более человечным, чем все мы: вместо того, чтобы и дальше мучить Свейна, он просто отправил его отдыхать на тот свет.

— Вы арестуете ... меня? — спросил Барон.

— Нет, — ответил Хардинг. — Прямых улик против вас нет. Но убийство Свейна будет расследовано со всей тщательностью, не надейтесь на снисхождение. У вас еще будут неприятности. Идите!

Барон выскочил из кабинета, как пробка из бутылки шампанского.

Хардинг посмотрел на меня.

— Ну как?

— Прекрасно! Вы выпотрошили его!

— Но это ничего не дало. Мы, как и прежде, топчемся на месте и не знаем, кто убил Элен Фицрой.

— Лейтенант, а вам не приходило в голову, что Свейна пристрелили потому, что он узнал, кто убил Элен Фицрой?

— Да? — Хардинг поразился. — Вы так думаете? Свейн выбил признание, а убийца подкараулил его и заставил замолчать навсегда? Так, по-вашему, было?

Я не стал признаваться, что эта мысль пришла мне в голову только что.

— Да, я думаю, Свейн кое-что узнал.

— Значит, он просто не успел сообщить Барону информацию, — Хардинг размышлял вслух. — Свейн шел к Барону, а на дорожке его поджидали... А это означает, что идея Барона себя оправдала.

— Свейна потому и убили, что идея сработала!

— Остается узнать, кто это такой прыткий, что убивает направо и налево, но не попадает...

Хардинг замолчал. Из предметов, лежащих на столе, он начал строить башенку: пачка сигарет, на верх зажигалка, на верх блокнот... И так до тех пор, пока башенка не рухнула.

— Знаете, о ком я размышляю? — повернулся лейтенант ко мне. — О Бароне.

— Барон чист. К убийству Свейна ни он, ни его головорезы отношения не имеют.

— А если имеют? А если Барон ведет двойную игру? Отводит от себя подозрения...

— Вы наделяете этого мелкого борова недюжинными мозгами. Барон хитер, но не умен. Не переоценивайте его, Хардинг.

— Как знать...

— Давайте поговорим о Свейне. Если он выбил из убийцы Элен Фицрой признание, значит, на этом человеке должны остаться синяки и ссадины.

— Сегодня я всех допросил: никаких следов побоев ни у кого нет, — сказал Хардинг.

— Ну, Свейн мог любого напугать одним видом своих кулаков. Не надо бить — достаточно рассказать, как будешь бить, и показать кулак!

— Тоже верно. Но убийца мог выстрелить в Свейна еще и потому, что Свейн был ему просто омерзителен.

Хардинг наморщил лоб и тяжело вздохнул: версий много, а толку мало.

Вошедший полицейский спросил, можно ли отпустить задержанных. Хардинг махнул

рукой: отпускаяте.

Был один вопрос, который волновал меня. Нашел ли водолаз хоть что-нибудь на дне залива?

— Нет, — ответил Хардинг. — Обшарили все дно и напрасно. Убийца спрятал револьвер и вновь им воспользовался.

— Все тот же калибр?

— Да, это то же оружие, из которого убили Элен Фицрой.

— Вы уже обыскали домики?

— Сразу же, как только вызвали подозреваемых на допрос сюда. Даже ваше жилище проверили: убийца мог ведь и вам подкинуть револьвер. Яхту прощупали... И — ничего.

— После убийства Свейна преступник мог выбросить оружие в воду.

— Опять нашему водолазу работа... А хуже всего то, что у нас практически нет свидетелей — ни в первый раз, ни во второй...

* * *

Я шел по набережной, поглядывая на яхты и катера, и увидел «испанскую галеру», которую рассматривали мы с Эйприл. На «галере» стоял бородатый худой парень и курил трубку. Он неожиданно приветливо поздоровался со мной. Я ответил наугад:

— Доброе утро, дон Антонио!

Он засмеялся:

— Простите, но вы ошиблись. Меня зовут Вальдесом.

— Вы испанец?

— Испанцами были мои предки.

— О, тогда вы должны хорошо танцевать этот свой танец... Фламенко!

Вальдес улыбнулся, кивнул, отложил трубку в сторону и вытянулся во весь рост. Он сделал несколько танцевальных движений, характерных для фламенко, и я понял, что ему очень одиноко в Бахиа-Мар, одиноко настолько, что он не захотел заметить иронии мистера Бойда и готов станцевать для него все, что тот попросит. Я, как мог, выразил свое одобрение.

— Не хотите ли подняться на палубу? — спросил Вальдес.

— Попробую.

Мне не хотелось тратить время на болтовню с хозяином яхты, однако, повинувшись неосознанному порыву, я все же послушал его и поднялся на судно.

Вальдес провел меня по своей «галере». Его каюта капитана выглядела почти так же, как у Колумба. Во всяком случае, я так думаю.

Более всего меня привлекли в каюте мечи, висящие крест-накрест. Сталь была наточена. Таким мечом, подумал я, можно побриться. Вальдес объяснил, что это толедская сталь.

Вальдес предложил позавтракать вместе и за едой рассказал мне, что построил судно недавно, причем, когда постройка была завершена, он продал свой дом и стал путешествовать.

— Я уже посетил не одно чудесное местечко, — с гордостью сказал владелец «галеры». — Надоест Бахиа-Мар, подниму якорь и поплыву дальше.

— Под парусами?

— Паруса — это часть декора, как и эти мечи, и многое другое, — доверительно сказал Вальдес. — А вообще-то это современное судно.

Когда мы прощались, Вальдес погрузился.

— Бог даст, еще встретимся, мистер Бойд, — сказал он, пожимая мне руку. — Вы всегда на

моей «галере» — желанный гость.

Я ушел едва ли не растроганный...

В своем домике я принял душ и улегся спать.

Проснулся я во второй половине дня и понял, что хочу есть. Я надел чистую сорочку и стал думать, с кем пойти в ресторан. Ленч с Эйприл? А почему бы и нет!

Я подошел к домику Эйприл и постучал.

Она открыла, посмотрела на меня не вполне ясными глазами и застонала.

— Вы пришли, чтобы спасти меня?

— Что случилось?

— Я умираю.

— Я спасу вас с удовольствием. Мы идем в ресторан!

— О!

— Бифштекс с луком придаст вам силы!

— Что за издевательство! Мне так плохо... Что я делала вчера?

— Вы? Хм... Любили меня.

— Не может быть!.. — растерянно пробормотала она.

— Вы говорили мне комплименты, мой профиль привел вас в состояние эйфории.

— А почему я проснулась на диване?

— Потому что я вас там оставил... И вообще все было очень интимно.

— Что-о?..

Вот в такой непринужденной беседе мы провели предобеденное время. Эйприл отказалась есть бифштекс с луком, я отправился в ресторан один.

Я ел свой бифштекс и играл в любимую игру: сам себе задавал вопросы и сам отвечал.

Кто здесь по-настоящему богат?

Грег Бейли.

Кто сумел закабалить Вулриха и отторгнуть его имущество в свою пользу?

Грег Бейли.

Кто знал, что и Вулрих, и его жена застрахованы на крупную сумму?

Вновь Грег Бейли.

Бейли — крупная карта в игре. В чьей?

А не навестить ли мне финансиста и не задать ли вопросы, на которые буду отвечать не я, а сам господин финансист?

Я почти одолел дорогу к домику Бейли, когда увидел, что наперерез мне выскочили две знакомые фигуры. Они интересовались мной всерьез, и намерения у них были недвусмысленные.

— Хелло! — рявкнул Туша и сжал кулаки. — Куда так торопишься, приятель?

— И зачем? — пискнул Лапчатый. — Он все время попадаетеся нам на пути. А все потому, что в голове у него — вата вместо мозгов.

— Что-то случилось? — спросил я невинным голосом.

— У нашего шефа из-за тебя неприятности, приятель, — Туша пошел на сближение. — Ты сегодня утром был болтлив... Рассказывал то, чего не видел... Шеф разволновался...

— Я отправлю ему свое соболезнование по телеграфу.

— Нет уж, лучше мы отделаем тебя как следует, чтобы ты полежал немного и подумал.

Туша заходил справа, Лапчатый — слева. Я знал, что они — сработанная пара, и хорошо сработанная: Свейна уложили грамотно, несмотря на то, что он, во-первых, тоже был человеком Барона, а во-вторых, сам мог уложить кого хочешь.

Поэтому я решил не рисковать, круто развернулся и помчался назад, в гавань. Как хорошо,

что сегодня у меня там появился друг!

Я мчался со скоростью ветра. Но мои преследователи не отставали. Я слышал топот бегемота и цоканье копытцев мелкого скота. Туша и Лапчатый. Еслибы они догнали меня, могло случиться всякое, но обдумывать свое положение не было времени.

Я увидел Вальдеса. Он беззаботно сидел на корме, покуривал трубочку и болтал ногами.

— Помогите! Они сейчас разнесут вашу лодку! — крикнул я, подбегая.

У Вальдеса округлились глаза. Он вскочил и, мигом оценив ситуацию, бросился за багром. Когда я уже почти забрался на «галеру», Вальдес бросил багор мне. Я поймал его, повернулся к преследователям лицом и приготовился к атаке.

Сначала я направил вперед острый конец багра. Но мысль о новых трупах для лейтенанта Хардинга остановила меня, и я решил не превышать необходимые нормы самообороны. И решил действовать тупым концом багра.

Я кинулся вперед с воинственным кличем, когда подручные Барона были уже на сходнях «галеры». С разбегу я ткнул Тушу концом багра прямо под ложечку. Туша съежился, как эскалоп, побывавший в духовке. Руки его опали, лицо стало пергаментным.

Лапчатый сунул руку в карман — за ножом. Мне удалось вставить багор между его ног. Бедняга закукарекал, как петух на вертеле.

Тупым концом багра я столкнул обоих негодяев в воду. Мне стало интересно, как они справятся с дистанцией. Лапчатый, подгребая правой, тащил Тушу левой рукой. Туша плыл, лежа на спине, причем не плыл, а делал конвульсивные движения.

— Здорово! — Вальдес тоже наблюдал за водными процедурами бандитов. — Здорово вы с ними разделались, мистер Бойд! А кто эти люди?

Пришлось рассказать.

Я внес разнообразие в жизнь одинокого морского волка, он пришел в восторг и пригласил меня в каюту пропустить по рюмочке.

Услышав про убийства на побережье, Вальдес прямо засветился от любопытства.

— Расскажите еще, мистер Бойд! У вас такая интересная, наполненная жизнь.

Он атаковал меня и долго не хотел отпускать. Испанец оказался хорошим слушателем. Вечер прошел между выпивкой и беседой о подвигах детектива Бойда. Когда я выбрался на сушу, солнце уже было на закате.

Домик Грега Бейли, видимо, был пуст: на мой стук никто не отозвался.

Я подумал и пошел к Эйприл Мауэр. Меня беспокоило ее состояние после вчерашнего эксперимента.

— Эйприл, как вы тай? — постучал я в дверь.

— Кто это?

— Дэнни Бойд.

— Входите.

Эйприл встретила меня, сидя в кресле. Ее наряд был черным, но не траурным: черную ткань украшала серебряная нить. Свитер и брючки и ... темные круги под глазами.

— Принести вам выпивку? — участливо спросил я.

— Я должна была бы убить вас за вчерашнее, — дернулась Эйприл. — Реконструкция преступления! А сейчас вы хотите реконструировать Эйприл, да?

— Вам очень плохо?

— Поутру я хотела умереть, — она прикрыла глаза длинными ресницами, отчего лицо стало еще бледнее.

— Знаете что, мы пойдем в ресторан и отужинаем! — воодушевился я спасательными планами.

— Пожалуй, вы правы. Я проголодалась, — сказала Эйприл.

В ресторане мы заняли угловой столик, официантка приняла заказ. Моя спутница оперлась локтями о столик и принялась меня допрашивать. Ей действительно к вечеру полегчало, потому что она буквально засыпала меня вопросами:

— Что нашел лейтенант Хардинг? Что было рано утром? Почему обыскивали мой дом?

Я подробно ответил на все вопросы, рассказал про убийство Свейна и признание Барона. Отдельную главу занимала история с Тушей и Лапчатым. Эйприл развеселилась, слушая, как я заставил их нахлебаться воды.

Затем все наши мысли вновь вернулись на круги своя: к убийству Элен Фицрой.

Я предложил идти методом исключения из списка подозреваемых и первой вычеркнул Глорию ван Равен.

— Глория обманулась, — сказал я. — Она думала, что флиртует с миллионером, а напоролась на банкрота. Обманулся и Вулрих: и он, и его жена надеялись пожить за счет кинозвезды. Потому-то и скрыли факт женитьбы Эдди Вулриха.

— Откуда вы это знаете? — удивилась Эйприл. — Так сказал Вулрих?

— Это очевидно...

— Нет, так сказал Вулрих! — Эйприл была убеждена, что все зло идет от банкрота.

Мы уже отужинали, и официантка принесла кофе.

— Может быть, закажете виски? Или рюмку коньяка? — предложила она.

— Для меня — коньяк, для дамы — рюмка, — пошутил я.

Эйприл чуть не ущипнула меня за бок.

— У вас остроумие висельника!

— Как так?

— Шутки, от которых хочется повесить шутника и повеситься самому.

— А вот некоторым леди мои шутки нравятся. Они находят, что я отталкиваю и притягиваю одновременно...

Я внимательно посмотрел на Эйприл, она стала вдруг пунцовой и перевела разговор:

— Мы говорили о Вулрихе. Мне кажется, что он...

Эйприл потеряла нить разговора, и я великодушно пришел ей на помощь:

— Вы считали, что он убийца. А я считаю, что Вулрих — жертва собственных иллюзий, не более.

— Ну, говорите, я вас слушаю.

— Может быть, я действительно плохой шутник, но в данном случае и над Глорией, и над Эдди Вулрихом подшутила сама жизнь. Они не убийцы, они неудачники.

— Боюсь, что мы с вами скоро присоединимся к ним — когда я перестану получать жалованье, а вас «продинамит» Гугенхеймер.

— Пожалуйста, не напоминайте мне об этой прожорливой акуле кинобизнеса.

— Итак, Глорию и Вулриха вы исключили. Кто у нас в списке следующий? — сказала Эйприл.

— Москат Муллинс... — я задумался. — Можно ли считать мотивом преступления то, что он волочился за Элен? У Элен была толпа поклонников, их можно было укладывать в штабеля... Нет, Муллинс отпадает.

— Есть вещи, которые нам не известны, — Эйприл покачала головой, что означало ее сомнение в моих рассуждениях.

Официантка с испуганным видом, не говоря ни слова, поставила на столик две рюмки: полную — передо мной, пустую — перед Эйприл.

Эйприл взяла рюмку, повертела ее в тонких пальцах и сказала в задумчивости:

— Сейчас запустить ее в мистера Бойда? Или подождать более удобного момента?

Я постарался отвлечь ее от мыслей о рюмке такой грозной фигурой в списке подозреваемых, как Луи Барон.

— Барона вы с Хардингом исключили еще утром, — фыркнула Эйприл.

— Да, мы пришли к выводу, что Барон не мог убить Свейна, потому что Свейн работал на него, а убийца Свейна и Элен — один и тот же. Кроме того, вряд ли Барон стал бы марать руки за двадцать тысяч баксов — а именно столько задолжал ему Эдди Вулрих. Барона вычеркиваем.

— Кто же тогда остался?

— Самая интересная фигура! Финансист, которому здесь, если разобраться, нечего делать, и тем не менее он появился за пару часов до убийства. Грег Бейли! Хладнокровный, расчетливый, умный...

— Вам давно пора поговорить с ним, — сказала Эйприл. — Почему вы не делаете этого?

— Нет, Эйприл, здесь не все гладко... Я не могу задавать Бейли каверзные вопросы.

— Э, да вы боитесь финансиста! — торжествовала Эйприл.

— Бейли не пойдет на откровенный разговор, так как знает о том, что для меня главное — вытащить отсюда Глорию. Он не дурак и понимает, что я постараюсь раскопать то, что он тщательно закопал: всякие темные делишки.

— А вы раскопаете, Дэнни?

Она улыбнулась.

Я посмотрел на Эйприл и с удовлетворением отметил, что ужин пошел ей на пользу: глаза блестят, щечки порозовели.

Интересная мысль забралась в мою голову.

— Эйприл, дорогая, раскапывать — не так уж трудно. Была бы охота...

— Ну, смотря в чем копать! — она хмыкнула.

— А вы не хотите заняться этим ремеслом? — я огорошил ее и, не дав опомниться, с жаром стал говорить. — Мне Бейли ничего не скажет, потому что знает: я работаю в защиту Глории. Но если к нему придет хорошенькая женщина с такими чудными глазами, милой улыбкой и ангельским голоском, Бейли расколется. А если она скажет, что влюбилась в финансиста с первого взгляда и плохо спит по ночам, Бейли станет податлив, как расплавленный воск.

— И кто же эта хорошенькая женщина? — хохотнула Эйприл.

— Вы, моя дорогая. Вы можете узнать у Бейли хотя бы настоящее положение Эдварда Вулриха, а также сколько Вулрих должен Бейли и скоро ли получит страховку. Бейли ответит вам на любые вопросы, которые можно задать как бы шутя, играя с ним в любовь...

— Я поняла вас, мистер Бойд, — Эйприл сделала паузу. — Но я не играю в любовь, вот в чем штука.

— Эйприл, вы же обещали помогать мне, — урезонил я строптивицу.

— Нет! Я не буду этого делать! — Эйприл была неумолима. — И отстаньте со своими гнусностями.

— Это вы считаете гнусностью? — я разозлился. — Хорошо, сменим тему, поговорим о том, что произошло после неудачного эксперимента. Вот мы вошли в ваш домик, и я зажег свет...

— Нет!

— Вам не угодишь! Всюду «нет». Но у меня выбор небогатый: или мы обсуждаем наши ночные приключения, или заготовливаем вопросы для Бейли.

— А вы, мистер Бойд, отъявленный шантажист, — вспыхнула Эйприл.

— Шантажист и садист! Хотите, я расскажу, как вы выглядели в тот момент, когда предложили выпить за меня и мой профиль? А потом вы так ...

Эйприл зашипела, как гусыня:

— Замолчите! Вы победили! Я пойду к Бейли, будь он проклят вместе с вами.

— О'кей, — я с удовлетворением откинулся на спинку стула.

— Ну и когда мне нужно идти к Бейли раскапывать его делишки?

— Сейчас. Вы подкрепили свои силы, вы в хорошей форме, чего же ждать! Можете пригласить его на рюмку коньяка в свой домик...

— Вы не только шантажист, но и сумасшедший! — чуть не заорала Эйприл. — Он нападет на меня, а чем я буду защищаться? Пилкой для ногтей?

— Запустите в Бейли утюгом. Или той самой рюмочкой, из которой он должен выпить коньяк.

— Вы не только сумасшедший, но ч кретин!

— Хорошо, я буду вблизи вашего жилища. Если услышу крики о помощи, поспешу на выручку.

— Вы можете не успеть, — Эйприл, похоже, оценивала ситуацию лучше, чем я. — Этот Бейли крепкий и наглый. Лучше, если вы будете где-то рядом...

— Под диванчиком? — деловито спросил я.

Эйприл ни капельки не смутилась.

— Вы придете в бунгало до того, как я появлюсь там с Бейли, и спрячетесь в моей спальне. Я буду держать дверь спальни полуоткрытой, и вы не только зсе услышите, но и сможете даже подсказывать мне реплики.

— Вы иногда мыслите просто замечательно! — восхитился я. — Мне нравится ваша идея.

— А мне — нет, — Эйприл всем своим видом показывала, что предстоящая работа ее не греет. — Ладно, говорите, что я должна выведать у финансиста.

— Дорогая, прежде всего отнеситесь к делу творчески! Это должен быть отменный спектакль под названием «Мауэр против Бейли». Я думаю, что в партере будут хлопать.

— Партер — это вы? — кисло произнесла Эйприл. — Вы сценарист, вы режиссер, вы еще и зритель. Смотрите, как бы Бейли не сорвал представление... Ну, где мой кофе?

Глава 9

Мы прошли в бунгало к Эйприл, и она сразу же убежала в спальню переодеваться.

Я закурил и стал обдумывать детали предстоящего вечера.

Эйприл долго не было, я выкурил пять сигарет и решил, что девушка удрала через окно или уснула.

— А вот и я! — раздался нежный голос. — Ну как? Я вам нравлюсь?

Я повернулся.

Черное шелковое платье, белая отделка подчеркивали высокую красивую грудь. Тонкая талия была перехвачена поясом. Сквозь длинный разрез сбоку светилось загорелое бедро. Волосы красиво уложены. Макияж незаметен — он оттенял естественную прелесть свежего личика. Эйприл была великолепна!

— Вы ничего не ответили мне! — капризно произнесла девушка. — Так нравлюсь я вам или нет?

— Конечно! Если бы вы надевали такие наряды для меня, я давно бы переселился в ваш домик.

— Опасаюсь, как бы Бейли не пришла в голову подобная чушь, — холодно сказала Эйприл. — Мистер Бойд, будьте серьезнее. Вы не зритель. Вы участник этого спектакля. И активный!

— Постараюсь, моя радость, — я говорил искренне.

Эйприл ушла на ловлю финансиста.

Я принялся изучать возможности двери в спальню: то открывал пошире, что суживал обзор, то пристраивался у стенки, то заползал под кровать. Все было плохо. Широко открытая дверь выдавала мое присутствие, а узкая щель ограничивала видимость.

Я зашел в гостиную, чтобы пропустить рюмочку, сел на диванчик и сделал открытие: если спрятаться под диванчик, то и слышимость будет отличная, и помощь Эйприл придет сиюмоментно.

Я так и сделал.

Положение мое было незавидным: под диваном было темно и пыльно, минуты текли медленно, выжимая по капле из меня все соки. Я охотно променял бы свое укромное местечко на камеру в тюрьме, где можно совершать прогулки от одной стены к другой.

Наконец, я услышал голоса.

Говорила Эйприл:

— Я благодарна вам, мистер Бейли, за то, что вы выслушали мою исповедь. Так редко можно встретить в наши дни чуткого и отзывчивого человека.

Дверь закрылась.

Совсем рядом раздался голос Бейли:

— Называйте меня Греггом, пожалуйста. Я с первого взгляда понял, как вы одиноки...

— Да. Грег, я одинока. Иногда я устаю от этого...

Они сели на диванчик, и я увидел в просвет две пары ног. Пружины скрипнули мне прямо в ухо.

— Скажите, Эйприл, так ли вам одиноко, когда рядом я?

Эйприл что-то тихонько ответила, но я не расслышал: общий вес двух тел придавил меня. Бейли заерзал, усаживаясь поудобнее, и я окончательно оказался вмазанным в пол. Я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Дышал с трудом, и то только потому, что вовремя положил голову набок. Одно ухо было прижато к полу, второе — к диванчику.

«Как я отсюда выползу, чтобы защитить Эйприл? — с ужасом промелькнуло в моем мозгу. — И выползу ли я вообще?».

Каждое движение двух тел на диванчике отдавалось во мне болью.

Я попробовал сосредоточиться на диалоге Мауэр — Бейли, чтобы отключиться от собственного кошмара.

— Грег, меня ждут тяжелые дни, — говорила Эйприл, запинаясь, как девочка. — Глория скоро не сможет платить мне жалованье...

— Почему? — голос Бейли доносился глухо, как из трубы.

— Глория... — Эйприл запнулась, — растратила свои деньги. Набрала много в кредит, выплатила налоги, промотала... Ну, вы знаете, как это бывает...

— У Глории — широкая... душа, — сказал Бейли.

Наверное, он хотел сказать другое слово, но не решился.

— Глория надеялась на финансовую помощь Эдварда Вулриха, — продолжила Эйприл. — Но вы ведь знаете, что Вулрих — банкрот.

— Да, — подтвердил Бейли. — Он весь в долгах. Мне вот тоже должен...

— Когда я собиралась во Флориду, я не знала, что эта поездка окажется кошмаром, — голос Эйприл был едва слышен. — Грег, но у вас ведь все иначе, да?

— Я должен получить с Вулриха свои деньги, это без сомнений. Вулрих рассчитается со мной, когда получит страховку. Так что моя поездка оказалась не напрасной.

— Но я слышала такую версию... Она мне показалась ужасной... Так и быть, скажу: Вулрих сам убил жену, чтобы получить страховку.

Бейли приподнялся и опустил так, что я чуть не застонал.

— Это плохая версия, Эйприл! — сказал он. — Вулрих не убивал Элен, мои адвокаты докажут это! И Вулрих получит страховку!

Мой нос находился в нескольких дюймах от их ног. Если бы я мог шевельнуться, я укусил бы Бейли за щиколотку. Каждое движение этого племенного быка-производителя доставляло мне мучения.

На душе моей тоже скребли кошки: я видел, что ноги Эйприл и финансиста сближаются.

— Грег, — ласково сказала Эйприл, — вы такой...

Она задохнулась, не находя слов.

«Играет или говорит всерьез?» — вертелось в моей голове. Голоса стихли. Интересно, чем занималась эта парочка, когда молчала?

— Вам удобно? — услышал я голос Бейли. — Или, может, пересядете вот сюда?

— Нет, спасибо... Я все думаю, если это не Эдди, то кто убил Элен?

— Зачем вам ломать голову? Я, конечно, догадываюсь... но пусть этим занимаются детективы, — Бейли сделал какое-то движение, но я не понял, какое именно.

— О, вы смутили меня... — услышал я Эйприл.

— Давайте немного расслабимся и забудем обо всем...

Они долго возились.

— Ну так скажите мне, кто же убийца! — услышал я довольно четко слова Эйприл.

— Дался вам этот убийца! — Бейли, кажется, выпил, его речь стала замедленной. — Поговорим о вас, чудная Эйприл.

На диванчике опять замолчали: две ноги соединились и замерли. Потом я получил несколько ощутимых ударов по спине и один по голове.

Эйприл что-то проворковала, Бейли тяжело сопел.

— Ну как? — сказала Эйприл.

— Божественная...

Дальше я не расслышал: меня придавили так, что дыхание стало проблематичным.

Кажется, эта финансовая крыса с Уолл-стрит сравнила Эйприл со своей матерью, когда та была в возрасте секретарши. Потом Бейли извинялся за не совсем удачное сравнение, снова что-то говорил — пошлости и комплименты... Если бы я мог, я убил бы его.

Эйприл была безупречна. Она выдерживала одну атаку за другой, говорила Бейли ласковые слова и прощала глупости. Ерзанье продолжалось уже довольно долго.

Вряд ли они там, наверху, слышали, как я скрипел зубами от злости и гнева.

— И все же, мой милый, — я кожей чувствовал, как Эйприл прижималась к Бейли, — кто, по-вашему, мог убить певицу? Вы же знаете женское любопытство... Я не буду спать, пока не раскроется эта тайна!

— А кто сказал, что вы будете спать? — прохрипел Бейли.

— Нет, вы должны мне открыть тайну!

— Странно, почему... в такой момент... это вас волнует? Хорошо, я скажу.

Он попытался что-то предпринять, возня долго не прекращалась, наконец, я услышал:

— Ну, конечно, это Луи Барон! Проходимец, окруженный головорезами. Зачем-то ему понадобились деньги, и срочно. А Вулрих не отдавал карточный долг. Барон узнал, что Эдди застраховал жену, вот и...

— Ах, оставьте это! — воскликнула Эйприл.

Судя по движениям ног, Бейли пытался уложить Эйприл на диванчик, а она сопротивлялась.

— Эйприл, милая, дорогая, неподражаемая...

— Ваши руки, Грег!.. Им здесь -не место!

— Вы специально возбуждаете меня! — хрипел финансист. — Не надо. Я ваш, Эйприл.

— Но я не ваша! Отодвиньтесь!..

Их битва происходила у меня на позвоночнике. Я не гожусь в атланты, эта профессия не для меня. Но не осталось даже сил, чтобы крикнуть им об этом.

— Эйприл, не шутите! Вы сами меня пригласили! — Бейли начал злиться.

— Пригласила, но не для этого!..

— А для чего же? Чтобы я помог вам мотать шерсть в клубки?!

— Если вы не уберете руки, я закричу.

— Завлекла меня, а сейчас ломается!

Я услышал звук пощечины. Она — ему или он — ей? Судя по тому, как закричала Эйприл, он — ей.

— Дэнни! На помощь!

— Кричите, милочка, сколько влезет! Так он и прибежит, этот ваш кретин!

— Дэнни! — в голосе Эйприл я слышал уже тревогу.

— Ваш Дэнни проводит время с Глорией. Я в этом не сомневаюсь, — рычал Бейли.

— А вот и нет! — Эйприл задыхалась. — Мистер Бойд находится в моей спальне!

Дышать вдруг стало свободнее: кто-то встал с дивана.

Скрипнула дверь спальни. Вскоре раздался жесткий смех Грега Бейли:

— Его там нет. Ваш трюк не удался, — Бейли занял свое место на диванчике. — Я не дам даже такой куколке, как вы, водить себя за нос. Сейчас мы продолжим нашу игру. Я сделаю то, зачем сюда пришел. А ваш приятель делает то же, но в другом месте.

— Дэнни! — Эйприл уже орала от ужаса.

Он заткнул ей рот. Ноги Эйприл барабанили по полу. Мое воображение нарисовало страшную картину, и это придало мне силы. Нечеловеческим усилием я рванул свое тело вперед и впился зубами в ногу финансиста.

Бейли заорал, как стадо быков. Не знаю, было ли ему так больно. Скорее, он кричал от страха. Я чуть не лишился передних зубов — так он рванул свою ногу из моей пасти.

Бейли вскочил с диванчика. Эйприл поняла, в чем дело, и тоже быстренько поднялась на ноги.

Я выползал из-под дивана целую вечность.

Наконец, я выпрямился и застонал: свет померк в моих глазах.

Я не успел прийти в себя, как Эйприл набросилась на меня с кулаками:

— Негодяй! Почему вы не вылезли раньше, когда я звала вас?!

— Где он? — я еле-еле приходил в себя.

— Кто? Бейли?

Я проследил направление ее взгляда. Бейли валялся на полу без сознания.

Когда я укусил его, он хотел дать стрекача, опрокинул журнальный столик, поскользнулся и ударился виском о край письменного стола.

— Уберите его! — брезгливо произнесла Эйприл. — Или вы отлежали себе бока? Зачем вы залезли под диван, когда мы договорились, что вы будете сидеть в спальне?

Я сделал вид, что сильно утомлен выволакиванием Бейли на улицу, и не стал отвечать на простые и закономерные вопросы своей сообщницы.

С трудом, пытая и потев, я отнес Бейли в его домик. Вначале я хотел просто бросить этот мешок на пол в гостиной. Но потом рассудил иначе: если я страдал, то почему Бейли будет лежать в такой комфорте?

Руками и ногами я запихал финансиста под диванчик, затем выкрутил лампочки и вышел из домика.

Я представил, как Бейли очнется и первым делом стукнется затылком о диван. Мне стало приятно от такой мысли.

Я снова отправился к Эйприл. Но ее дверь была заперта: понятно, что после ласк Бейли ей никого не хотелось видеть.

Я постучал. Мне хотелось утешить крошку и погладить то место, где ударил этот зверь.

— Кто там? — голос Эйприл был враждебным.

— Это я — Дэнни! Отнес Бейли и вернулся. Откройте мне, дорогая!

— Не открою! Бейли может вернуться!

— Но я же здесь! Я буду вас защищать!

— Спасибо. Я знаю, как вы защищаете.

— Но Эйприл!..

— Спокойной ночи!

— В конце концов, я избавил вас от этого мерзавца!

— Если бы он не ударился и не потерял сознание, вы бы до сих пор лежали под диваном.

— Вы сами приказали мне спрятаться!

— Нет, мой дорогой, это была ваша идея — спровоцировать Грегга Бейли. Убирайтесь! Я сыта вашими экспериментами по горло! Чтоб он провалился, этот Бахиа-Мар!

Я пытался что-то объяснить ей сквозь дверь, но девушка была неумолима, как сфинкс.

Вскоре ей надоело препираться со мной, и Эйприл выключила свет.

«Вам ничего не светит, мистер Бойд», — сказал я себе и поплелся к своему домику. Бейли мог дать бы мне местечко рядом с собой под диваном.

Я шел, тупо уставясь в землю, в мрачных раздумьях. И не услышал, как кто-то вынырнул из-за ближайшего домика. Дуло ткнулось мне под ребро — как раз в то место, которое больше всего пострадало от телодвижений Бейли на диванчике.

— Хелло, приятель, — услышал я знакомый голос. — Не трепыхайся, если не хочешь дырку

в бок.

Туша держал револьвер твердой рукой.

— Да не бойся! — прорычал он. — Раньше времени не продырявлю. Шеф хочет с тобой поговорить.

Туша и Лапчатый эскортировали меня до самого домика Луи Барона.

Владелец казино отдыхал. Он полулежал в кресле-качалке, потягивал виски и смотрел на меня со злобой. Впрочем, я не припоминаю других эмоций, которые бы он выражал.

Туша стерег каждое мое движение. Лапчатый стал позади Барона и страховал его здоровье. Оба бандита тоже смотрели на меня без приязни и с удовольствием разорвали бы на клочки.

— Надоели вы мне, мистер Бойд, до чертиков, — сказал Барон. — Придется принимать меры.

Я не считал необходимым ответить.

— Ну что вы улыбаетесь! Убийца до сих пор не найден. Вам с лейтенантом Хардингом надо дать по шее как следует! Сыщики! Даже я хоть что-то сделал, когда нанял Свейна. И Свейн напал на след убийцы, потому с ним и разделались!

— Да, наверное, Свейн многое узнал, но не успел рассказать, — согласился я. — Но вы зря ставите на одну доску меня и лейтенанта. Расследованием занимается Хардинг. Я на вашем допросе присутствовал только как зритель.

— Не сотрясайте воздух, Бойд, — отмахнулся коротконогий, — меня это мало волнует, зритель вы или нет. Мне нужно как можно скорее выбраться из этой дыры домой. Да получить свои денежки назад. Или хотя бы гарантию, что Вулрих отдаст двадцать тысяч, когда ему выплатят страховку за жену. Ну что? Разве я многого хочу, а?

— Не возражаю, — ответил я. — Вы хотите получить свое. Вы вообще хитрый парень, Луи.

— Не надо, Бойд! Я вижу вас насквозь и пропускаю ваши насмешки мимо ушей... Самое главное — надо найти убийцу.

Каждая минута, проведенная здесь, — пытка для меня. Не знаю, как я до сих пор не взбесился!..

— А меня вы приказали доставить сюда, чтобы я сделал вам прививку от бешенства?

— Вы не знаете, зачем вы здесь? Сейчас узнаете. Когда убийца будет найден, все отправятся по домам. Все, кроме вас!

— Все, кроме него! — запищал Лапчатый.

— Все, кроме него! — забасил Туша.

Я обвел троицу медленным взглядом.

— Зря я назвал вас хитрым, Барон. Общение с этими красотками вредит вашему рассудку. Глупеете на глазах.

— А вы... — Барону пришла в голову какая-то гадость, и он хихикнул. — Вы будете очень умным... Самым умным покойником!

— Что-о?

— Вы кончите жизнь самоубийством. А перед смертью напишете лейтенанту Хардингу письмо с объяснением того, что произошло.

— А что произошло?

— Вы приехали сюда за этой красоткой Глорией, чтобы вернуть ее на киностудию. Встретились с Вулрихом. Выпили как следует... Он проговорился вам, что обанкротился и что Глория бросит его, как только узнает об этом. Разумеется, он рассказал вам и о страховке жены в четыреста тысяч. Вы придумали гениальный план, по которому Вулрих получает деньги и красотку Глорию, а вы получаете деньги. Четыреста тысяч прекрасно делятся пополам. Надо только убить дорогую жену Вулриха. Дорогую! — Барон вновь хихикнул. — Вулрих долго

торговался с вами, отдавать половину ему не хотелось, и вы сошлись на ста тысячах. Вот это все вы опишете в письме.

— Вы — сумасшедший!

— Нет. Я не бездельничал все это время, в отличие от вас, — резко сказал Барон. — Я позвонил кое-кому в Нью-Йорк. Мне дали на вас наводку. Вы любите деньги, Бойд. Хардингу понравится эта деталь.

— Тот, кто убил Элен, убил и Свейна — револьвер один и почерк убийства один. Но зачем было мне убивать Свейна?

— Вулрих попросил вас об этом, — Барон говорил со мной по-отечески. — Свейн расколол Вулриха. Тот понял, что все летит к чертям собачьим, и прибежал к вам. Вы достали припрятанный револьвер и — бабах! Вы должны были расправиться со Свейном, чтобы не всплыла ваша сделка с Вулрихом!

— Хардингу будет очень смешно, когда он услышит от меня вашу версию.

— Во-первых, не от вас, а из вашего письма. А во-вторых, это уже неважно. Убийца будет найден, и нас отпустят.

Когда я сказал Барону, что он сумасшедший, то говорил это иносказательно. Теперь, заглянув ему в глаза, я понял, что он действительно шизофреник. Убийца и шизофреник, который не остановится ни перед чем.

Стук в дверь заставил всех, находившихся в домике, вздрогнуть. Стук повторился. Затем раздался рев.

«Слон?» — почему-то в такие ответственные моменты у меня в голове рождаются только отвлеченно-дурацкие мысли.

Ревела труба Моската Муллинса.

— Прогони его, — Барон бросил взгляд на Тушу. — Он испортит нам игру.

Туша убрал револьвер и открыл дверь. Он не успел произнести и слова, как Муллинс ввалился в жилище Барона, глядя невидящими глазами.

— Выпить есть? Барон, у тебя есть виски?

Муллинс был пьян. Он стоял посреди комнаты и покачивался, мотая упрямой головой.

— Ну угостите же меня чем-нибудь! Сами все вылакали, шакалы!

— Убирайся! У меня нет виски, нет! — закричал Барон.

— Как вы смеее так разговаривать со мной! Вы знаете, кто я? А кто вы все тут? Дерьмо собачье!

Туша попытался справиться с пьяным, но это оказалось не так-то просто.

— Ты слышал, что сказал шеф? Уходи!

— Так вы обращаетесь со знаменитыми людьми! Не угостить друга! Где ваша доброта? Шакалы!..

— Сделай, что хочешь, но выброси его отсюда, — сказал Барон Туше.

Туша призадумался. Затем он резким ударом в живот заставил Муллинса согнуться пополам. Туша развернул трубача к двери.

— Иди! Тебе — туда! Не дожидайся, когда я выброшу тебя пинком под зад!

Кое-что Муллинс, конечно, соображал. Он с трудом выпрямился, посмотрел зло на Барона, понимая, что именно он источник зла. Глаза Муллинса налились кровью.

— Я уйду на собственных ногах, — прорычал трубач. — Но я сыграю вам напоследок.

Муллинс долго не мог приладить трубу к губам.

— У него внутри булькает, как в унитазе! — засмеялся Лапчатый.

— Давненько я не слышал, как поет унитаз! — захохотал Туша.

Барон молчал. Он предпочел обойтись без скандала — лишь бы осуществить собственный

план с моей персоной в главной роли.

— Ну, играй! Чего молчишь? Набрался выше ватерлинии? — глумились Туша и Лапчатый.

Муллинс резко повернулся и ткнул тому, кто был ближе всего к нему, — Туше — прямо в кадык мундштуком от трубы. Музыкант догадался сделать то же, что и я днем, когда использовал багор в качестве оружия.

Второй раз за день я наблюдал, как съезживается этот эскалоп. Туша начал хватать ртом воздух, взмахивать руками.

Муллинс сказал очень спокойно, с достоинством:

— Если притронешься ко мне еще раз, выдавлю оба глаза.

Он вышел из домика, довольно твердо держась на ногах.

Вскоре мы услышали его вариации на тему блюза «Когда святые маршируют». Музыка отзвучала и смолкла вдали.

Туша изрыгал ругательства. Его лицо было багровым, глаз припух.

— Прикончу этого дудельщика! Скотина! — он ходил из угла в угол, не видя ничего перед собой. — Со мной такие штуки не пройдут!

— Я сказал, чтобы ты его отделал! — брезгливо посмотрел на подручного Барон. — Ты! А вместо этого он отделал тебя.

— Эта пьяная скотина напала так внезапно, — защищался Туша.

— Что мне теперь с тобой делать? Ты же инвалид! Сейчас тебя побил этот пьяница, а завтра — какой-нибудь мальчишка!

Туша засопел, но ничего не сказал.

— Ладно, — смилостивился Барон. — Тащи бумагу и ручку. Бойд будет писать письмо.

Я смотрел на этих убогих и вдруг понял, что идея с подставным «убийцей» придумана не здесь и не Бароном.

— Это не ваша идея, Барон, — сказал я. — Вы — всего лишь исполнитель. Идея красивая, не спорю. Но она вряд ли могла посетить такую голову.

Я выразительно постучал костяшками пальцев о стол.

— Ну, умник! — прикрикнул Барон. — Посмотрю, как ты будешь трепыхаться перед смертью.

— Вам платят за исполнение. А кто же тогда додумался прикрыться мной? — я размышлял вслух. — Вулрих? Нет, он от страха забился в угол. Бейли? Этот может. У Бейли мозги варят. Ему нужны деньги — от Вулриха. Он за ними и явился сюда. И не за двадцатью тысячами — это мелкая монета для Бейли. И вам за меня он заплатит дешево. А сам загребет всю кассу...

Туша и Лапчатый прислушивались к моим словам и молчали. Барон только промычал:

— Складно...

— Да, Барон, вы с Бейли сговорились! По каким-то причинам вас устроила именно моя кандидатура. Я еще разберусь, что тут за причины. Пока ясно одно: Бейли — организатор, Барон — исполнитель.

По установившейся тишине я понял, что попал в точку. Туша шевельнулся и как-то боком подошел к столу. Он положил бумагу и ручку.

— Все готово, шеф.

— Так! — Барон встал и потер руки. — Приступим!

Туша толкнул меня в спину револьвером:

— Сам напишешь, приятель, или тебе продиктовать?

Я устал стоять и решил, что дальнейшие события должен проследить в более комфортных условиях.

Я сел за стол, закинул нога за ногу.

— Писать ничего не буду. Вы убьете меня в любом случае, зачем же мне возводить на себя самого поклеп?! Нелогично.

Туша довольно сильно ударил меня стволом по голове.

— Пиши, что сказал шеф! Иначе я пристрелю тебя, поганая ищайка!

— Пристрели! И у твоего шефа не будет письма. А раз нет письма, значит, нет и «убийцы». Только труп. Третий труп в Бахиа-Мар, и только.

— Ты сам вынуждаешь меня, Бойд, устало сказал Барон. — Не хочешь уладить все миром? Пеняй на себя! Лапчатый!

Сучья лапка вытянула из кармана стилет.

— Я не забыл, как ты приласкал нас багром сегодня днем, — бандит пыжился: видимо, нож придавал ему уверенности в себе. — Тебе было смешно, когда мы плыли к берегу? Теперь настала наша очередь посмеяться!

Стилет блеснул в его руке, как ртуть. Лапчатый был мастером, понял я.

Он крепко ухватил меня за ухо и занес руку с ножом. Я инстинктивно дернулся, но дуло револьвера держало мою голову в напряжении.

— Мы решили, что ты должен утонуть! — верещал Лапчатый. — Но ведь, прыгая в воду, ты мог пораниться... у тебя могла лопнуть барабанная перепонка!

— Отчего ей лопаться? — попытался я остановить его.

— Шеф просил тебя по-хорошему. Так получай!

Я заорал от боли. Лапчатый ткнул мне в ухо узким лезвием, но пока несильно. Однако даже такой удар привел меня в ужас: подонки начали заводиться. Я чувствовал лезвие в своем ухе. Лапчатый давил все сильнее, на сотую долю миллиметра — он растягивал пытку и мог делать это всю ночь. За ночь от боли я сойду с ума — они выбросят меня в залив: концы, как говорится, в воду.

— Напишешь письмо? — Лапчатый продвинул лезвие еще на какую-то долю миллиметра в глубь уха.

— Напишу! — выдохнул я.

— Как быстро сдался, — разочарованно протянул Туша. — Я хотел посмотреть, как ты будешь корчиться.

Барон удовлетворенно расхаживал передо мной и еще раз, вторично, объяснял, что именно я должен написать. Потом, заглядывая мне через плечо, он подсматривал, что же я царапаю на бумаге.

Работа была закончена. Письмо с моим «признанием» лежало на столе.

— Ну вот, я выполнил ваше требование. Теперь с чистой совестью я могу сказать вам, что вы — осел.

— Можете обзывать меня, как хотите. Это уже неважно, — Барон просматривал написанное.

— А вам не хочется знать, почему я вас так назвал?

— Ну говорите, почему, — Барон отмахнулся от меня, как от осенней мухи.

— Вы — осел. Если верить моему «признанию», я совершил преступление вместе с Вулрихом. Точнее, Вулрих является соучастником. Он знал, что я убийца, но не выдал меня полиции. Страховая компания очень обрадуется моему письму и не выплатит Вулриху ни цента.

Барон рассмеялся.

— Кое-что вы сообщаете неплохо, Бойд. А вы не додумались до того, что Вулрих передал все свое имущество Бейли в уплату долгов? Передал и страховой полис. Деньги должен получить не Вулрих, а Бейли. И Бейли их получит!

Троица заржала.

Барон первым перестал смеяться и прикрикнул на своих головорезов:

— Время дорого! Ночь пройдет быстро. Везите Бойда в гавань и постарайтесь обтяпать дельце без шума. Мы еще посмотрим, кто тут осел!

Туша держал меня за руку, впившись, как клещ. Лапчатый шел с другой стороны, прижав стилет к шее, у самой артерии. Если бы я попытался вывернуться, он — чирк! — и готово. С перерезанным горлом далеко не убежишь.

Мы долго шли вдоль яхт и других суденышек, пока я понял, куда мерзавцы ведут меня.

Мы поравнялись с «испанской галерой».

Лапчатый сказал:

— Ты сам выбрал место! Ты искупал нас здесь, а теперь мы искупаем тебя.

Он пищал мне в самое ухо — в то, что едва не покалечил.

— Наконец мы закончим это дело, — Туша обхватил меня за шею сзади своей могучей рукой. — Ну и напьюсь же я, когда ты, приятель, пойдешь рыбам на корм.

Резко развернувшись. Лапчатый предательски ударил меня под ложечку. Колени мои подогнулись.

Туша навалился и начал душить. Лапчатый ударил еще раз. Я упал бы, но Туша продолжал сжимать шею — он держал мое безвольное тело на весу.

В голове поплыли круги и звезды, сознание покидало меня, я ничего не видел и не слышал, но цеплялся за жизнь, как мог...

Туша в какой-то момент решил, что я придушен окончательно, и с размаха бросил меня на набережную.

Я растянулся, не в силах ни двинуться, ни сообразить. Но, как ни странно, я все еще был жив.

Лапчатый пнул меня ногой, Туша повторил это движение.

— Вот тебе, нью-йоркская ищейка, — презрительно сказал он. — Тряпка!

— Давай быстрее его утопим, — не терпелось Лапчатому. — И пойдём пить виски.

Туша саданул еще раз тяжелым ботинком под ребра, и я скатился с набережной в воду. Падая, я успел глотнуть немного воздуха.

Удар о воду встряхнул меня. Я понимал: мне нужно отплыть под водой как можно дальше от набережной. Так я и сделал.

Когда воздух в легких кончился, я вынырнул, сделал глоток и снова ушел под воду. Я проделывал это еще несколько раз и преодолел довольно большое расстояние.

Вода в заливе была темной, но набережная хорошо освещалась. Я видел, что убийцы все еще стоят там и наблюдают. Но когда я вынырнул последний раз, Туша и Лапчатый шли в сторону ресторана: пить за упокой моей души.

«Ну, вот ты и покойник, мистер Бойд!» — подумал я, и эта мысль почему-то принесла мне облегчение.

Я лег на спину и стал смотреть на звезды, подгребая руками и едва шевеля ногами. Я расслабился, отдышался, передохнул. Куда плыть, мне было ясно сразу, — к Вальдесу.

«Испанская галера» выделялась среди других даже ночью. Я легко нашел ее, но никак не мог добудиться хозяина судна. Я кричал, звал его на помощь, однако прошло минут двадцать, прежде чем заспанный Вальдес вышел на палубу.

— Это вы, мистер Бойд? — удивился он. — Купаетесь?

— Купаюсь! Вода теплая! — крикнул я. — Бросайте конец, я хочу подняться к вам на палубу.

Вскоре я сидел в капитанской каюте. Вальдес помог мне переодеться в сухое, напоил горячим кофе, угостил сигаретой.

Я блаженствовал.

— Чего бы вы еще хотели? — с участием спросил владелец «галеры».

— Пышнотелую блондинку! — сказал я, с наслаждением отпивая кофе и покуривая сигарету.

Я рассказал Вальдесу о событиях этого вечера и попросил осмотреть мою голову.

— Ничего страшного: несколько шишек, — успокоил он после того, как убедился, что голова моя на месте. — Но как такое могло произойти здесь, в цивилизованном и, можно сказать, райском уголке?!. Если вы хотите связаться с полицией, то у меня на камбузе есть телефон.

— Есть телефон? — спросил я с удивлением.

— И даже электричество. За деньги все можно иметь. Если захочешь, даже выкачать всю воду из залива.

Я глянул на часы. Стрелка двигалась к одиннадцати. Поздновато. Но не для лейтенанта Хардинга.

Лейтенант выслушал меня молча. Я понял, что он смертельно устал за день, и все, происшедшее со мной, кажется ему одной из историй барона Мюнхгаузена. Письмо под пыткой, утопление, Вальдес и его «галера»...

— Вы здорово напились, Бойд, если несете такую околесицу.

— Я понимаю, во все это трудно поверить. Но если вы заглянете в мое жилище или пошлете туда помощника, то на столе в гостиной, я уверен, уже валяется письмо с моим «признанием» в убийстве Элен Фицрой. Готов спорить, что Барон уже подложил его туда.

— Я проверю, — пообещал лейтенант. — Однако не усомниться в ваших бреднях может только безумец.

— Побудьте им еще немного, Хардинг, — сказал я. — Представьте, что Грег Бейли ведет довольно хитрую игру. Он уже добился того, что Вулрих передал ему страховой полис Элен.

— Откуда вы это знаете?

— Так утверждает Барон!

— Интересно... Это я тоже проверю.

— Бейли придумал весь этот план: мое «самоубийство», разоблачение меня и Вулриха... Он заплатил или пообещал заплатить Барону за исполнение плана...

— Бейли и Барон... Эта связка возможна.

— А вам не кажется, лейтенант, что ситуация со страховыми полисами меняет расклад сил? Если полис у Бейли, то у него появляется мотив для убийства Элен Фицрой!

— Мотив есть, согласен...

— Значит, Бейли мог убить певицу!

— Нет, Бойд, есть одно обстоятельство, которое полностью уничтожает ваши подозрения. Бейли не убивал. На момент убийства у него имеется алиби!

Я чуть не сбросил телефонный аппарат на пол.

— Хардинг, помнится, вы говорили, что никто не может засвидетельствовать непричастность финансиста к выстрелу в Элен Фицрой.

— Кое-что изменилось. Когда я допрашивал Бейли, то не знал, что его в тот вечер видел полицейский патруль. Бейли прогуливался по набережной, а один подонок нацелился его ограбить. Полисмен из своей машины заметил, что подонок следит за хорошо одетым господином, и стал в свою очередь следить за обоими. В это время произошло убийство Фицрой. Бейли не знал, что был под наблюдением полиции. Однако согласитесь, алиби у него стопроцентное. Только тогда, когда мелкого грабителя арестовали, был составлен рапорт, и я узнал о полной невиновности Бейли.

— Значит, мы не сможем посадить его за решетку, — вздохнул я. — У нас по-прежнему нет прямых улик. Только мое поцарапанное ухо.

— Пусть какая-нибудь красotka пошепчет в него свои заклинания, — отшутился Хардинг.

— Лейтенант, я дал вам факты. Неужели вы оставите Тушу и Лапчатого гулять на свободе? Я даже знаю, где они — в ресторане «хоронят» меня!

— Подпортить им праздник? — Хардинг повеселел. — Хорошо, этих головорезов мы арестуем, сейчас вышлю патрульную машину. Значит, вы заявляете, что они покушались на вашу жизнь?

— До сих пор ребра болят... и шея...

— А Луи Барон?

— Без подручных он — что оса без крыльев, — сказал я. — Убежать Барон не сможет, гавань находится под усиленным наблюдением. Так? Мне кажется, Барон не опасен.

— А если он предпримет вторую попытку лишить вас жизни, Бойд?

— Тогда он должен знать, где я нахожусь, а я сейчас в не доступном для него месте.

Мы еще немного поговорили с Хардингом, и я повесил трубку.

Оказалось, что Вальдес все это время находился возле меня и не пропустил ни слова из моего разговора с лейтенантом.

— Может, вы расскажете мне подробнее про убийство Элен Фицрой, — попросил он, заваривая новую порцию кофе.

— Хорошо, — согласился я, прекрасно понимая, что не могу отказать гостеприимному хозяину «галеры», второй раз выручившему меня.

— Я ведь был ее почитателем, — пояснил Вальдес.

— Кого?

— Элен Фицрой. Я очень люблю джаз, обожаю блюзы. У меня большая фонотека, мистер Бойд, — сказал он с гордостью. — Импровизации Моската Муллинса и Элен Фицрой приводят меня в такое волнение... Когда я купил эту пластинку, то был на седьмом небе от счастья!

— Вы что-то сказали о пластинке?

— Этот диск вышел полгода назад. Джазовые импровизации, соло на трубе. Муллинс играет, как бог. Есть и сопровождающие инструменты, но их не слышишь — только его трубу. А как поет Фицрой! Хотите послушать?

— Здесь, па судне?

— У меня есть проигрыватель.

Как драгоценность, он достал из шкафчика красивый конверт и поставил пластинку на проигрыватель.

Я приготовился слушать: надо было как-то коротать время, пока Вальдес сбивает коктейли.

Еще я подумал: вот живет человек, все деньги тратит на себя, точнее, на свои причуды. У него ничего нет, только одно сплошное хобби: яхта и джаз, путешествия и музыка. Счастлив ли он?

Вальдес стоял спиной у бара. Но я видел, как вздрогнула его спина, когда раздались первые аккорды...

Труба и голос... Я купался в волнах восхитительной музыки. Закрыв глаза. Элен Фицрой стояла передо мной живая в белом бикини в черный горошек.

Элен исполнила блюз «Тело и душа» и затянула другой блюз — «Синий лес»... Оказывается, у нее был великолепный голос. Я впервые слышал, чтобы голос и инструмент вошли в такое единство. Это была полнейшая гармония: голос звучал, как труба, и труба пела, как человеческий голос, иногда не различал, где Москат, где Элен...

Прокрутилась первая сторона пластинки, Вальдес подал мне коктейль. Я освежил им свое

горло.

Осторожно поддерживая пластинку за края, Вальдес повернул ее. Щелчок... Зазвучала музыка.

Теперь вздрогнул я, услышав знакомый блюз, который так часто, с разными вариациями, наигрывал Муллинс. Но впервые за эти дни у меня появилась возможность вслушаться в то, что говорила труба.

Это была история мужчины и женщины, история любви.

Вначале труба пела ясно и чисто. Мужчина радовался своему чувству, новому и необычному, радовался солнцу, жизни, людям... Постепенно мелодия сломалась. Труба начала недоумевать, жаловалась, обижалась... Мужчина по-прежнему обожал женщину, а вот она... Она охладела к нему. Она больше не хотела его любить. Она уходила, а если возвращалась, то чтобы снова уйти.

Он рвался к ней, она отталкивала.

Мужчина просил, заклинал, винил себя во всех грехах. Женщина была неумолима.

Между ними произошел разрыв — мужчина боялся поверить в то, что он окончательный.

Финал. Труба оплакивала погибшее чувство. Одиночество, пустота... Жалобные звуки наполнили пространство. И вдруг прорвались те, начальные аккорды, когда все было прекрасно и радужно, когда двое любили друг друга. Все было и все прошло.

Музыка смолкла.

Вальдес выключил проигрыватель.

Я так и не притронулся к своему коктейлю.

— Ну, как вам пластинка? — напрягся хозяин в ожидании.

— Да-да, — рассеянно ответил я.

— Гениальное исполнение! Соло трубы просто великолепное!

— А как называется последняя композиция? Кто ее автор? — спросил я.

— "Милый старый блюз". Муллинс сам его сочинил. Сочинил, аранжировал, сыграл. А, вижу и вас проняло!

Вальдес радовался, что угодил мне.

— Муллинс. Бедный Муллинс... — я сказал вслух то, что думал.

Мой собеседник очень удивился.

— Но почему?

— Видите ли, Вальдес, у людей творческих все не так, как у нас с вами... Давно замечено: счастливый человек не может сочинять стихи и музыку, писать картины и пьесы... У счастья нет полутонов и переливов. И только горе способно придать творению глубину, страсть и силу... Если это так, то Москат Муллинс — самый несчастный человек на свете.

* * *

Я проспал у Вальдеса до полудня. Отлежался, побрился... И пошел к себе.

По дороге я думал о том, что наступило воскресенье, и срок, назначенный Гугенхеймером, приблизился вплотную.

Дома я переоделся. Раздался стук в дверь.

Словно подслушав мои мысли, на пороге стояла Глория ван Равен. Она была в белом пляжном костюмчике, который не скрывал, а выставлял напоказ все, что было у актрисы. За душой, разумеется.

Глория «надела» также виноватые глаза.

— Извините меня, Дэнни, я погорячилась в прошлый раз, — сказала она своим низким хриплым голосом. — Во всем виноват мой темперамент.

— Я не сержусь на женщин, — ответил я. — В перемене их настроений есть такая прелесть...

— Дэнни, вы не забыли, что сегодня воскресенье? Во вторник мне нужно быть на студии. Иначе...

Глория показала, что умеет играть драматическую роль. Это была сцена под названием «Отчаяние». Сидя у меня на диванчике, голливудская кинозвезда изображала жертву обстоятельств.

— Почему этот Хардинг никак не найдет убийцу? — Глория топнула ножкой в красивой пляжной обуви.

— Хардинг уже многое сделал, — вступился я.

— А вы? Что сделали вы, Дэнни, чтобы мы побыстрее улетели в Лос-Анджелес?

Она встала и пошла на меня. Под натиском крепкого бюста я ретировался в противоположный от дивана угол. Но Глория меня и там достала. Я мог сравнить себя с красной шапочкой, настигнутой волком.

— Я сделал... сделал, Глория!

— Что же?

— Вы обратили внимание на судно в гавани, декорированное под старинную испанскую галеру?

— Да, видела. Ну и что?

— Я договорился с владельцем судна Вальдесом, что сегодня он устроит на своей «галере» вечеринку. От имени Вальдеса я приглашаю вас, Глория.

— Кто там будет еще? — она поправила прическу и придвинулась ко мне так, что я почувствовал, как горячо ее бедро.

— Там? Все, кто был на яхте Вулриха. Я хочу поручить вам, Глория, деликатную миссию: пригласите на вечеринку Эдди, Грега Бейли и Моската Муллинса.

— Вы что-то затеяли, проказник!

— Не я, а Хардинг. Мне показалось, он знает, кто убийца, и на вечеринке откроет эту тайну.

Глаза Глории загорелись. Ее пылающие бедра едва не взяли меня в плен.

— Вы что-то скрываете, Дэнни! Расскажите! Я сгораю от любопытства. Кто убийца?

— Сейчас не время... Да я и не обладаю всей информацией. Это все Хардинг...

— Не хотите? А если я пообещаю вам...

Глория откинула шею, задыхалась глубоко и сильно, ее грудь начала вздыматься — безотказный, отработанный прием, и я это знал, но все равно не мог оторвать глаз от этого зрелища.

— Если вы, Дэнни, изобличите убийцу, я найду способ отблагодарить вас.

Актриса внезапно и резко повернулась и пошла к двери.

Перед моими глазами еще стояли два розовых холма, прикрытые полупрозрачной тканью.

В дверях Глория обернулась:

— Вы слышали: я плачу за поиск убийцы щедро. За успешный поиск!

В окошко я видел, как Глория, выйдя от меня, встретилась с Грегом Бейли. Я посмотрел на финансиста внимательно. У него был такой вид, будто он пролежал сутки под диваном.

Я был уверен, что Глория хорошо справится со своей миссией, и пошел к Эйприл.

Дернул за ручку двери — открыто. Не стал стучать, а зашел запросто, как заходят в гости к приятелю.

Эйприл только что приняла душ. Я залюбовался ее золотистой кожей с бронзовым отливом. Блондинка легкими движениями вытирала волосы. Она не ждала меня, это очевидно, поэтому на Эйприл было только полотенце, едва прикрывавшее бедра.

Девушка преодолела желание ойкнуть. Стянула полотенце и прикрыла грудь. В итоге оголились бедра. Эти современные полотенца так устроены, что если закрываешь одно, то открываешь другое.

— Я была в ванной комнате, — Эйприл все еще воевала с полотенцем.

— И прекрасно. Я тоже туда хожу время от времени, — заметил я.

— Вот и идите! Идите, мистер Бойд, за дверь. А я оденусь.

— Крошка! Зачем стесняться старого Дэнни? Вы для меня всего лишь большая девочка в маленьком полотенце.

Эйприл открыла рот:

— Девочка?

— Да. После того, как Глория посетила меня и пообещала за поимку убийцы свою ... щедрость, я переменялся.

— Предпочли количество, да? — ядовито спросила Эйприл и показала руками, как выглядят бедра и бюст Глории.

Роковое полотенце в итоге упало на пол. То, что открылось мне во всем своем великолепии, было достойно кисти Боттичелли.

Эйприл метнулась в спальню. Спина и то, что расположено ниже, восхитило меня необыкновенно.

— О!.. У вас ямочки... на самом интересном месте! Вышла Эйприл одетой: белый лиф и безумно узкие и короткие шорты.

— Вы не ушли? — сказала она ледяным тоном.

— Я думал, вам интересно узнать, как этой ночью меня убивали.

— Но не убили, я вижу, — она старалась казаться спокойной, хотя на лице выступили красные пятна.

— Эйприл, смените гнев на милость. Сегодня вечером у нас вечеринка на «испанской галере». Я приглашаю вас.

Эйприл была безучастна.

— Девочка, вы очень мне нужны. Я рассчитываю на вас. Мы должны поймать убийцу. И мы поймаем его!

— Предлагаете мне очередной эксперимент? Вы?! После того, что было в этой самой комнате? После истории с Бейли?! Какая наглость!

— Это моя последняя идея, дорогая. Последняя идея и последняя надежда. Вспомните, вы обещали помогать мне.

— Опрометчивый шаг.

— Поймите: все, что от вас потребуется, — это надеть парик и бикини. Бикини Элен Фицрой.

Эйприл наострила ушки, но все еще дулась.

— Вы заманиваете меня в ловушку. А сами будете лежать под диваном и продавать билеты, когда на мне захочет покувыркаться какой-нибудь противный тип.

— Ну что ж, — притворно вздохнул я, — придется пригласить другую девушку. В конце концов, парик и бикини может надеть любая.

Эйприл занервничала: мой капкан сработал.

Когда я решительным шагом направился к двери, она подбежала и перекрыла путь.

— Нет, вы не уйдете, не объяснив мне, что это за фокусы с переодеванием! — воскликнула

Эйприл.

— Кому-то надо сыграть роль Элен Фицрой. Я думаю, Глория справится с такой ролью блестяще.

— Вы будете просить Глорию?

— Она обещала мне все, что я захочу, потому что мечтает провести завтрашний день в самолете.

— Глория все испортит. Она привыкла играть — даже тогда, когда требуется обычное присутствие, — резонно заметила Эйприл. — Глория будет пережимать, я знаю. И если вы, Дэнни, считаете, что это ваша последняя надежда, я переменю свое мнение. Я согласна еще раз сыграть роль убитой, потому что... Потому что убийца должен быть пойман!

— Отлично! Вы сказали красивую речь, Эйприл. Я еще проинструктирую вас. А пока позвольте позвонить Вальдесу и сообщить ему о вечеринке, которую он устраивает. Счастливчик, он еще не подозревает, какие события развернутся на его «галере»!

Это был восхитительный вечер. Он успокоил волны, накрыл Бахиа-Мар звездным пологом и зажег луну, разукрасил яхты цветными китайскими фонариками.

«Испанская галера» принимала гостей. Мы с Вальдесом стояли на палубе. Вальдес волновался и говорил мне:

— Сколько знаменитостей! Мой любимый Москат Муллинс! Глория ван Равен! Я не мог представить, что ко мне попадет хотя бы одна золотая рыбка, а тут — целых две! Спасибо, мистер Бойд!

— Благодарить нужно вас, Вальдес. Ваши коктейли произвели впечатление.

Через какое-то время Вальдес позвал меня к телефону, и я прошел на камбуз. Звонил Хардинг.

— Вы проявили инициативу, Бойд? — недовольным тоном проворчал он в трубку. — Что за вечеринка и почему я узнаю о ней последним?

— Во-первых, не последним — о нашем уик-энде не знает Барон. Во-вторых, я только что собирался позвонить вам.

— Что вы затеяли?

— Решил немного развеяться и развлечь других. В двух словах: пьем коктейли.

— А не появится ли после ваших развлечений новый труп?

— Я думаю, появится кое-что другое...

— Не говорите загадками, — рассердился Хардинг. — Вы болтун, Бойд. Я поверил вам вчера и распорядился выслать патруль за Бароном и его свитой...

— Вы упрятали Барона за решетку? — перебил я Хардинга.

— Все трое — Барон, Туша и Лапчатый — поклялись, что не прикасались к вам даже пальцем!

— Вот как?!

— Они вас даже не встречали. Представляете? А у вас, Бойд, нет свидетелей!

— А как же Москат Муллинс? Он видел меня в доме Барона.

— Я говорил с ним, — вздохнул Хардинг. — Муллинс ничего не помнит. Точнее, помнит, что искал выпивку, но вас он не видел.

— Туша и Лапчатый гуляют по Бахиа-Мар? — спросил я с беспокойством.

— Нет, я выполнил свое обещание и посадил их. Но не за покушение на вашу жизнь, а за мелкое хулиганство — совсем по другому поводу... А вот Барон оказался чист, как стеклышко.

— За ним ничего не числится?

— Я же сказал: чист. И в тюрьме еще ни разу не сидел. Мы держали Барона целый день, но ничего не смогли откопать. Пришлось выпустить.

Я попрощался с лейтенантом и пожелал ему успехов в работе.

Итак, Туша и Лапчатый за решеткой, Барон на свободе.

Я пошел в каюту капитана.

Скрещенные мечи злоеюще поблескивали.

Глория была в сером платье. Точнее, в платье цвета стали — цвет, который выгодно подчеркивал ее красоту. Но в красоте этой было нечто вульгарное, двусмысленное.

Глория сидела и беседовала с Бейли. Лощеный финансист пришел в вечернем костюме и модном галстуке. Я представил, что в таком виде он лежит в гробу. Получилось очень удачно.

У противоположной стены развалился в кресле Эдди Вул-рих, проштрафившийся кавалер, новоиспеченный вдовец. Он был подавлен и отвечал невпопад на вопросы Вальдеса. Одет

Вулрих был плохо: рубашка залита вином, брюки мятые.

В отличие от него Москат Муллинс принарядился в голубую сорочку. Муллинс, что меня удивило, был чисто выбрит. Он сел на пол, пристроил с одного бока трубу, с другого — пару бутылок.

Я присел к Муллинсу.

— Добрый вечер, Москат!

Трубач скосил на меня глаз. Он решал непосильную задачу: узнавать меня или нет. И выбрал нечто среднее: занялся своей трубой, охорашивая ее, словно девицу.

— Добрый вечер... Вам не скучно? — Муллинс взял бутылку и отхлебнул из горлышка. —

Что я здесь делаю?

Он припал к бутылке, и, когда поставил ее на пол, она была пуста. Жалкий пьянчужка...

Я поднялся, подошел к Вальдесу и Вулриху.

— Кажется, нашему знаменитому трубачу скоро потребуется подкрепление, — тихо сказал я на ухо Вальдесу.

Тот пошел к бару.

— Как дела, Бойд? — ощерился Вулрих.

— А как ваши? — таким же тоном ответил я.

— Плохи... — Вулрих закрыл глаза. — Я совсем раскис после смерти Элен.

— Возьмите себя в руки, — только и мог сказать я. — Вы не заметили, что уже выросли из коротких штанишек?

Вулрих посмотрел на меня с ненавистью.

Из другого угла с тем же чувством глядел Бейли.

Я вышел из каюты на воздух и занял сторожевой пост.

Ждать пришлось долго. Эйприл появилась в то мгновение, когда я решил: она отказалась участвовать в «последнем эксперименте».

На Эйприл была накидка: девушка плыла, как серебристая рыба.

Я помог ей взобраться на палубу.

— Как вы добирались, моя дорогая? Через Калифорнию или Аляску?

— Дэнни, прекратите насмехаться. Вы же видите: я боюсь, — Эйприл и в самом деле дрожала. — Когда я заметила на палубе человека, хотела убежать. Мне показалось, что это Бейли или Барон.

— К счастью, это всего лишь я.

Эйприл тяжело дышала, как будто пробежала марафонскую дистанцию.

— Что будет, если ваша идея провалится?

— Вы не пострадаете, — как мог, я успокоил рыбку и провел ее на камбуз.

Эйприл не должны видеть участники эксперимента. До поры до времени.

Я приготовил ей коктейль и замкнул девушку на ключ.

Сам вернулся в капитанскую каюту.

Коктейли Вальдеса подействовали: публика потихоньку раскачалась, и уик-энд больше не напоминал мне поминки.

Глория и Бейли были заняты друг другом, сближаясь с каждой минутой, хотя между ними уже и так не было свободного пространства. Каждый раз, потягивая коктейль через соломинку, Бейли ощупывал взглядом то, что позволяло декольте целлулоидной куклы.

Вулрих набрался и нес какую-то ахинею. Вальдес как вежливый человек вынужден был поддерживать разговор.

Муллинс сидел с трубой в руках, но не играл. Вторая бутылка была пуста, а третья откупорена.

Мне нужен был Вальдес, я сделал знак рукой. Он не без удовольствия покинул Вулриха Второго и подошел ко мне.

— Сегодня запланирован маленький сюрприз, — сказал я ему. — Сигналом будет кратковременное погружение вашего кораблика в темноту. Это такой розыгрыш. Шутка, одним словом.

Вальдес улыбнулся.

— Тогда шутите побыстрее. Скоро кое-кто из моих гостей будет не в состоянии оценить ваше остроумие.

Я навестил Эйприл. Она волновалась пуще прежнего.

По телефону я набрал номер Барона. Мне хотелось, чтобы он тоже принял участие в спектакле.

— Алло? — Барон, как всегда, был злее тарантула.

— Луи? — я говорил чужим голосом.

— Кто это? — прорычал он.

— Не имеет значения. У меня для вас важная информация. Вы видели в заливе «испанскую галеру»?

— Катитесь вместе со своей галерой знаете куда!

— Успокойтесь, Луи! Я ваш друг и сообщаю, что на галере сейчас находятся четверо заговорщиков: Вулрих, Бейли, ищейка Бойд и Глория ван Равен. Они хотят «утопить» вас. «Улики» сфабрикованы Бойдом. Вы станете «убийцей», которого так давно ищут. И завтра на рассвете уже будете в тюрьме. Торопитесь на «галеру»!

Я не стал слушать, что орет Барон в ответ, повесил трубку и подмигнул Эйприл.

— Вы пошутили? — спросила она. — Что значит этот разговор?

— Тсс... — я приложил палец к губам. — Москат Муллинс играет!

«Галера» наполнилась звуками. Звучал блюз.

— Пора, — шепнул я Эйприл. — Ваш выход!

Она затрепыхалась:

— А если сорвется? Если меня уличат? Если...

— Рассмеемся как можно более беззаботно. Это розыгрыш, скажем мы, всего только розыгрыш. Вы не должны волноваться, Эйприл. Все пройдет так, как надо!

И мы направились в каюту капитана.

Эйприл пряталась за моей спиной.

Я заглянул в каюту, картина была та же: Глория плюс Бейли, Вулрих плюс Вальдес, Муллинс плюс труба с одинокой тоской.

На меня никто не обратил внимания: я так часто входил и выходил, что сам себе уже казался ночным мотыльком. Меня перестали замечать, и это было хорошо.

С Вальдесом было договорено, что он оставит пластинку на проигрывателе. Мне нужно было только подойти и включить его.

Все было готово. Однако по спине моей пробежала струйка пота. Лоб стал мокрым, кровь застучала в висках.

Я нащупал кнопку на стене и нажал ее. Электричество погасло. Муллинс перестал играть. Глория нервно хихикнула.

На пол лился мягкий лунный свет, да мерцали китайские фонарики.

Я подошел к проигрывателю, включил, вернулся к Эйприл. Помог ей снять накидку.

Никто не понял, откуда полилась музыка. Это было так неожиданно, что все словно оцепенели.

Запела Элен Фицрой. Это был блюз «Тело и душа».

В полутьме я видел, как дернулся Муллинс, поднял голову и прислушался. Он посмотрел вверх — нет, музыка и пение не лились с небес. Убитая была где-то близко, рядом.

— Элен? — неуверенно сказал Муллинс. Он поднялся на ноги и стал озираться.

Я выпустил на сцену Эйприл.

Она двигалась медленно, как при съемках рапидом. Парик преобразил ее. Лицо в темноте разглядеть было трудно, но белое бикини в черный горошек заметили все. У кое-кого перехватило дыхание: Элен Фицрой была в комнате. И она пела!

— Нет! — закричал Муллинс — Это не ты! Нет!

— Это я, Москат. Ты же видишь и чувствуешь. Это я.

«Девочка моя», — подумал я об Эйприл с нежностью. Она говорила с той же интонацией, как сама Элен Фицрой.

— Ты мертва! Зачем ты пришла сюда? Я не хочу! Ты мучила меня, когда была живой.

— Теперь я всегда буду с тобой. Ты сочинил «Милый старый блюз», и все узнали нашу тайну. Теперь я буду твоей тенью. Так же как в твоей музыке.

Муллинс хотел и не мог броситься на свою мертвую возлюбленную с кулаками: он только потрясал ими в бессильном гневе.

— Я видел, что ты умерла! Пуля попала тебе вот сюда, — он ткнул пальцем в свой лоб. — Ты не можешь быть живой, я знаю.

— Да, я мертва. Для всех, но не для тебя. Для тебя я всегда живая Элен и всегда буду следовать за тобой, куда бы ты ни скрылся...

Муллинс пытался отогнать видение.

— Элен, уйди... — он задохнулся, его вдруг прорвало. — Ты сама нашла эту смерть! Ты была так красива... мертвая! Я измучился, моя душа стала пылью, ты растоптала меня. Ты вышла замуж за этого мелкого, ничтожного человечка с Уолл-стрит. Но и меня ты не спускала с поводка. «Мы должны быть осторожны, чтобы Эдди ничего не узнал...» Это твои слова. Ты сама сказала мне, что твой муж хочет поживиться за счет этой звезды, Глории ван Равен. Ты сводня, Элен!.. Но я любил тебя. Как я тебя любил!.. Я посвящал тебе блюзы. Тебе это нравилось. Когда ты пела, ты позволяла в блюзе выставлять напоказ наши отношения. Ты издевалась надо мной! Все это видели. И тогда у меня появился револьвер. И я прицелился и нажал на курок...

Муллинс перешел на шепот. Он смотрел на Элен-Эйприл и внезапно сунул руку в карман.

— Нет! Ты опять умрешь, как тогда!

Я прыгнул — кажется, это был самый длинный прыжок в моей жизни. Муллинс не успел вытащить револьвер. Я ударил его кулаком в лицо и в грудь, свалил на пол.

Трубач лежал, не двигаясь.

Вальдес включил свет.

Эйприл сняла парик. Я подошел к ней и поцеловал руку.

— Прекрасная роль, дорогая! Вы были великолепны!

Эйприл не могла поверить, что на этот раз все обошлось, идея сработала, убийца изобличен. Девушка дрожала от пережитого:

— Все кончено, Дэнни? Я могу идти переодеваться?

Вулрих подскочил к нам. Он тоже дрожал — от возбуждения.

— Как вы догадались, что Муллинс — убийца?

— Проницательный ум, мой славный Эдди-бой, это то, что мужчине просто необходимо, — скромно, но с достоинством ответил я.

— Дэнни сумел взглянуть на убийство Элен по-новому, — высказала предположение Эйприл. — Все твердили, что Муллинс не может быть убийцей, потому что у него не было причины желать смерти Элен. Так считали, кстати, некоторое время и вы сами, Дэнни.

Убийство связывали со страховкой, с большими деньгами. Но это было заблуждением, и Дэнни первый переменял точку зрения.

— Да, я понял, что мы идем по следу, который ведет в тупик. Страсти могут кипеть не только вокруг больших денег. Настоящая любовь — вот мотив для преступления. А когда я выслушал историю этой любви — впрочем, вы все ее слышали, этот «Милый старый блюз», — то мне стало ясно, что же произошло на яхте Эдди Вулриха.

— А вот мне неясно, почему Муллинс убил Свейна, — сказала Эйприл.

— Потому что Муллинс — крайне неуравновешенный человек, как, впрочем, многие люди искусства. Я видел вчера, что одного удара, который нанес Туша, было достаточно, чтобы вывести Муллинса из себя. Муллинс едва не проткнул этому подлецу глотку! Теперь представьте, что Свейн ударил его! Конечно, Муллинс вытащил оружие и отомстил. Мы считали, что убийца Элен Фицрой боялся разоблачений Свейна, что Свейн запугал его и выбил признание... Это тоже был тупиковый ход. Свейн умер, так и не узнав, что произошло.

Музыкант застонал. Он открыл глаза, поднялся с пола. Его взгляд уперся сначала в белое бикини, потом пополз выше... Муллинс рассмотрел Эйприл и вздрогнул. Он понял, что обманулся.

В наступившей тишине раздались быстрые шаги, и на порог взлетел Луи Барон. Он заорал:

— Какого черта вы здесь собрались? Под меня копаете?

— Вы опоздали, Барон, — холодно сказал Бейли. — Спектакль окончен. Уходите.

Барон едва не съел Бейли — взглядом.

— Я знаю, что здесь происходит, подлец! Меня предупредили! Я вам не позволю!.. Я вас...

Услышав шорох сзади, я мгновенно понял, что совершил ошибку. И не просто ошибку, а непростительную глупость! «Он убьет меня и правильно сделает!» — пронеслось в голове.

Я не вытащил из кармана Моската Муллинса револьвер! Не обезоружил безумца!

Трубач держал на прицеле меня, Эйприл, Вулриха...

— Не двигайтесь! — он взвел курок.

Все молчали. Барон уставился на Муллинса: он ничего не понимал.

А Муллинс смотрел на Эйприл.

— Так это была ты! — презрительно сказал убийца. — Я же знаю точно: Элен мертва. А ты обманула меня!

Эйприл боялась вдохнуть в себя воздух.

— Разве вы не догадались, что это всего лишь розыгрыш — сказал я, чтобы отвести ствол от девушки.

— Кто придумал эту глупую шутку? — Муллинс по очереди глянул в лицо каждому, кто находился в каюте.

И тут меня осенило. Я увидел шанс для спасения всех, но прежде всего — Эйприл.

— Конечно, у идеи есть автор, — сказал я. — Он здесь. Он считал, что такого алкоголика, как вы, легко разоблачить. Кроме того, вы искалечили одного его подручного, а второго — убили.

— Кто эта мразь? Кто устроил представление? — рычал трубач.

— Луи Барон! Кто же, как не он! — выпалил я.

— Бред! — Барон пытался заслониться от револьвера ладонью. — Он лжет! Выслушайте меня, ради бога!.. А!..

Муллинс выпустил две пули рядом — так, что казалось, стреляли один раз.

Барон с ужасом уставился на свою грудь, по которой расплзлось страшное кровавое пятно.

— Я умираю...

Барон не мог поверить в то, что он, такой энергичный, непобедимый, непотопляемый, прекращает свой бег по жизни и уходит в небытие. Голова его увяла, упала на грудь. Сделав два неуверенных шажка, Барон упал на пол замертво.

— Один наказан, — спокойно произнес Муллинс, — Теперь очередь за другой. — Он посмотрел на Эйприл. — Зря, бэби, ты так старалась. Моя Элен мертва.

Эйприл поняла, что сейчас последует, и схватилась за голову.

— Ты тоже станешь мертвой, и вместе с Элен вы будете петь мой «Милый старый блюз».

Муллинс крепко держал оружие. Я знал: в следующее мгновение Эйприл упадет мертвой рядом с Бароном.

Я потихоньку отступал к стене.

— Муллинс! Барон жив! Он шевелится! — крикнул я.

Муллинс повернул голову в сторону Барона. Этого мне хватило.

Я сорвал со стены один из мечей и в прыжке достал трубача.

Нечеловеческий крик Эйприл подтвердил: с Москатом все кончено. Его голова покатилась к моим ногам...

* * *

— Дэнни, вы были потрясающе мужественны!

Мы сидели в домике киноактрисы: я, Глория и Эйприл. Глория своим сексуально хриплым голосом выдавала мне комплименты. Я же вспоминал реакцию лейтенанта Хардинга, прибывшего на место происшествия незамедлительно и прибавившего в счете трупов еще два.

— Хардинг так не считает, — кисло улыбнулся я. — Он еще может упрятать меня за решетку: я подставил Барона под пули Муллинса, я отрубил Муллинсу голову... Черт, я и не думал, что это настоящая толедская сталь!

— Хардинг поступил с вами, Дэнни, великодушно, — сказала Эйприл. — Вы легко отделались: он стукнул вас разочек, но потом остыл и взял себя в руки.

— Как мой нос? — я осторожно ощупал болезненное место. — Вы говорите «стукнул»! Он чуть не сломал мне нос! Ну, как вам этот профиль?

— Замечательно, — Эйприл зевнула.

— Да, замечательно, — Глория светилась от радости. — Во вторник утром я буду на съемочной площадке.

— Что нам троим и требовалось, — удовлетворенно заметил я.

Был один вопрос, который очень волновал Глорию, но задала она его небрежно, проходя:

— А что теперь будет со страховкой? Бейли ее получит?

— Так вы в курсе, что Вулрих передал страховой полис Грегу Бейли? Бейли должен был получить всю сумму — четыреста баксов. Но... Лейтенант Хардинг выяснил, что страховая компания, которая так и не удосужилась прислать сюда своего агента, и не думает платить деньги. Вулрих сделал несколько взносов, однако один из чеков оказался недействительным. Я не знаю, что произошло конкретно, но ни Вулрих, ни Бейли страховку за Элен не получат.

Глория прикусила губку: видимо, во время вечеринки у Вальдеса Бейли что-то пообещал ей.

Но огорчение длилось недолго. Мысли о контракте, о Гугги, которого она еще может как следует «подоить», успокоили голливудскую диву.

— Послезавтра я буду в студии... — она томно вздохнула, потянулась всем телом. — Да, чуть не забыла...

Она медленно подошла ко мне походкой манекенщицы и наклонилась так, что в декольте мне открылась не только шея, но и окрестности, до пупка включительно.

— Дэнни, вы изобличили убийцу. А я обещала, что в этом случае... Я всегда держу свое слово!

— А что будет? — спросил я заинтересованно. — Вы говорили, что очень щедры.

— Дэнни, — Глория села на диванчик рядом со мной, — Дэнни, — ласкалась она, как кошка.

Вдруг Глория вспомнила, что мы не одни: Эйприл сидела в кресле и смотрела во все глаза.

— Ты еще здесь, моя милая? — улыбнулась патронесса своей секретарше. — Столько волнений, столько событий, я думала, что ты уже спишь в своей кровати. Завтра рано утром мы вылетаем в Голливуд!

— Тогда я исчезаю! — Эйприл встала. — Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, моя милая, — ответила Глория. — Вот мы и одни, Дэнни.

Она уже перестала замечать секретаршу, хотя та еще была в комнате. Более того, проходя мимо диванчика, Эйприл что-то сунула мне в руку.

Приобняв Глорию, я повернул голову и встретился глазами с Эйприл, которая стояла на пороге.

Она махнула рукой и прошептала почти одними губами:

— Сохраните это до утра.

Затем громко сказала:

— Спокойной ночи, мистер Бойд!

— Спокойной ночи, — ответил я.

Мне стало страшно интересно, что же вложила Эйприл мне в руку. Все еще держа ее за спиной Глории, я раскрыл ладонь: на ней был кусочек тех розовых бикини, которыми я любовался в первый день нашего знакомства.

Я замычал нечто нечленораздельное. Эйприл уже исчезла за дверью. Я бросился вдогонку.

— Дэнни! — капризно закричала Глория. — Куда вы убегаете?

— Есть одна такая штучка, которую не часто увидишь! — бросил я на ходу. — Ямочки на самом интересном месте.

— Если вы сейчас же не вернетесь, Дэнни, то...

Я не слышал, чем грозила мне голливудская красотка: я бежал к домику Эйприл.

Я вошел по обыкновению без стука.

Эйприл лежала на диванчике, подпирая правой рукой свою хорошенькую головку. Левая рука простиралась вдоль гибкого тела. Я остановился и уставился на девушку, точно загипнотизированный.

— Ну как? — она хотела, чтобы я выставил ей балл. — Или вы не мистер Бойд?

— Я Бойд, — мне удалось унять сердцебиение. — Мужчина с классическим профилем... Парень, которому сказали, что все женщины от 18 до...

— Мне 24, — перебила меня Эйприл. — Как видите, я вам подхожу вполне!